Очерки о биографии и творчестве

Сергей Васильевич Максимов

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Введите сюда краткую аннотацию

- Фокеев А.Л. — СЕРГЕЙ ВАСИЛЬЕВИЧ МАКСИМОВ[1]
- Максимов, Сергей Васильевич[2]
- Сергей Васильевич МАКСИМОВ
- М.И. Щербакова — В.И. ДАЛЬ И С.В. МАКСИМОВ[3]
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19

Фокеев А.Л. — СЕРГЕЙ ВАСИЛЬЕВИЧ МАКСИМОВ [1]

Драгоценнейшее свойство Максимова
заключается в его близком знакомстве с народом…

М.Е. Салтыков-Щедрин

Максимов, Сергей Васильевич [25.IX (7.X). 1831, Парфентьев посад, Кологривского уезда, Костромской губернии — 3 (16). VI. 1901, Петербург] — писатель-этнограф. Родился в семье уездного почтмейстера. Первоначальное образование получил в народном училище родного посада, затем вместе с А.А. Потехиным учился в Костромской гимназии. В 1850 году поступил на медицинский факультет Московского университета. В Москве состоялись первые литературные знакомства. А.Н. Майков указывал на сильное нравственное влияние на Максимова А.Ф. Писемского: «…его трезвый взгляд на жизнь и искусство сильно подействовали на Вас еще юношей. Он, кажется, первый и указал Вам на изучение жизни русского народа, найдя в Вас нужную для того подготовку, меткий взгляд и разумную наблюдательность»1.

В Москве близко сошелся с членами «молодой редакции» «Москвитянина»: Б.Н. Алмазовым, А.А. Григорьевым и Л.А. Меем. Позднее Максимов писал: «Москве я обязан моими первыми литературными связями, моим литературным воспитанием». В 1852 году Максимов приехал в Петербург и поступил в Медико-хирургическую академию. В 1854-м в журнале «Библиотека для чтения» появился его очерк «Крестьянские посиделки в Костромской губернии», подписанный буквами «С. М.», который открывал серию произведений, посвященных народному быту Верхнего Поволжья, и привлек внимание писателей натуральной школы. И.С. Тургенев в отзыве на очерк «Сергач» отмечал верность и меткость наблюдений, высокую художественность изложения и напутствовал его хождение в народ: «Ступайте в народ, внимательно наблюдайте, запасайтесь свежим материалом! У вас хорошие задатки… Дорога перед вами открыта»2. Молодой писатель прислушался к совету, оставил академию и в 1855 году совершил литературно-этнографическое путешествие по Владимирской губернии. Он прошел по всем тем местам, где обитали «богомазы» (иконописцы) и офени, потом

прошел на Волгу, побывал в Нижнем, изучал знаменитую ярмарку, побывал в лесной глуши Вятской губернии. А.Н. Пыпин писал: «Это был один из первых опытов прямого изучения народного быта в молодом поколении того времени». Результатом путешествия были рассказы: «Встреча» (1855), «Кулачок» (1856), «Колдун» (1857), «Повитуха-знахарка» (1859), «Сотский» и др. Изучение опыта народной жизни составило книгу «Лесная глушь», содержащую этнографические зарисовки, небольшие рассказы о людских судьбах. Они складывались в целостное повествование о жизни России. Правдивые рассказы из народного быта читались с большим интересом. «Его книга должна быть настольной книгой для всех исследователей русской народности наравне с трудами Даля, Мельникова, Якушкина и других», — писал Салтыков-Щедрин3.

В середине 50-х гг. морское ведомство организовало несколько этнографических экспедиций. Максимов был послан на Север. Он побывал на берегах Белого моря, добрался до Ледовитого океана и Печоры. Его статьи, рассказывавшие о жизни и быте северного края, печатались во многих журналах. В 1859 году он выпустил объемистую книгу «Год на Севере», принесшую широкую известность автору. Географическое общество удостоило его золотой медали. В 1860–1861 годах по поручению морского ведомства Максимов совершил путешествие на Амур. Свои богатые наблюдения он изложил в капитальном труде «На Востоке. Поездка на Амур». На обратном пути народовед-художник занялся изучением сибирских тюрем. В большом исследовании он рассказал об обитателях «мертвых домов» старых и новых времен. Капитальный труд писателя-этнографа сначала был напечатан под заглавием «Тюрьма и ссылка» небольшим тиражом с грифом «секретно». Позднее он переработал его и в 1871 году издал в трех томах под заглавием «Сибирь и каторга». В этих очерках собран обширный материал по этнографии, истории и статистике тюремной жизни России. Они стали одним из литературных источников рассказов М.Е. Салтыкова-Щедрина, Н.А. Некрасова, Л.Н. Толстого, А.П. Чехова и др.

В 1862–1863 годах Максимов объездил побережье Каспийского моря и Урал. В результате появился ряд очерков и рассказов, посвященных различным видам местного раскола: «За Кавказом», «Субботники», «Прыгуны», «Хлысты», «Скопцы», «Секта общих», «Иргизские старцы» и др. В 1865–1866 годах по поручению министерства народного просвещения Максимов редактировал произведения для народного чтения. Он написал около 20 книжек для народа, где дано описание различных

уголков России: «О русской земле», «Крестьянский быт прежде и теперь», «О русских людях» и т. д. В 1868 году Максимов знакомился с северо-западными губерниями страны, побывал в Смоленской, Могилевской, Витебской, Минской и других губерниях, собрал ценный материал, а позднее напечатал книгу «Бродячая Русь Христа Ради» (1877). В ней изображены различные виды бродяжничества нищих, богомольцев, раскольников-скрытников и христолюбцев. Большой интерес представляют две книги Максимова: «Не спуста слово молвится» (1889) и «Крылатые слова» (1890). В них он разъяснял слова и обороты обиходной речи, первоначальный смысл которых утратился или известен только специалистам.

В 1900 году С.В. Максимов был избран почетным членом Российской Академии наук по отделению русского языка и словесности. В конце жизни Максимов говорил о себе: «Я в самом деле странствовал долго, забирался далеко, видел много и написал много. В деревню я унес свою любознательность. Изучал беспощадную нищету, ласковую и любящую меня с малых лет»4.

Глубокое знание быта и нравов народа, верность деталей и живость зарисовки обеспечили Максимову заслуженную известность и признание в русской литературе.

* * *

Этнографическая проза С.В. Максимова близка к беллетристике Якушкина, а также восходит, особенно в ранний период творчества, к традициям Гоголя, натуральной школы, Даля и соотносится с прозой Григоровича, Тургенева, Писемского.

Максимов опирается на самобытную народную поэзию, обращается к ней, исследует ее, собирает различные фольклорные жанры, постигает образную стихию народного языка и в широком смысле народную культуру.

Народная культура в широком национальном смысле как художественный компонент вошла во все произведения Максимова и в некотором роде определила их жанровое своеобразие. Это и рассказы, и очерки, и циклы очерков, и художественно-документальный эпос, и «хождения», и художественная этнография «бродяжничества и нищенства», и фольклорно-этнографическое художественное исследование мировоззрения народа, его поэтических верований и легенд, годового круга крестьянских праздников. Характерны для прозы Максимова особые жанры литературных произведений — книги-памятники народной культуры: «Куль хлеба и его похождения»,

«Бродячая Русь Христа Ради», «Нечистая, неведомая и крестная сила».

Стихия народной речи («крылатые слова») воспроизводится Максимовым на фоне живых картин народного быта, с этнографическими приметами исторического времени, местного колорита. В повседневной жизни, в народных обычаях, ремеслах находил писатель истоки поговорок, присловий, «крылатых слов», подавая их на широком этнографическом фоне, в котором они могли возникнуть: средневековая Русь, крестьянская изба или старинный город Ржев на Верхней Волге, славившийся производством парусной бечевы и корабельных канатов. На фоне местной этнографии, занятий населения Максимов комментирует народное выражение «попасть впросак». Писатель вводит читателя в просторный двор, где расположен «просак» — приспособление для прядения канатов, вращаемое вручную или лошадью маховое колесо, к которому своей бечевой прицепляется каждый молодец. Бечева разматывается, парни пятятся назад, возникает целый веревочный лабиринт: сколько людей — столько нитей снуется, сучится и крутится, как на ткацком станке. «Ходи — не зевай, не попади впросак… вся прядильная канатная снасть и веревочный стан носит старинное и столь прославленное имя — «просак»5. Местная этнография, быт и занятия крестьян поволжских деревень, где они точат «лясы» или «балясы», показаны Максимовым при толковании фразеологизма «точить лясы». Здесь Максимов обращается к элементам, воссоздающим культуру народа, подчеркивает талантливость народа, создающего своеобразное и поразительное украшение, сказочное и фантастическое зрелище. «Усердно и очень серьезно точат (там) фигурные балясины, налаживая их на подобие графинов и кувшинов, фантастических цветов и звериных головок, в виде коня или птицы… Работа веселая, вызывает на песню и легкая уже потому, что дает простор воображению…». Он приводит читателя на берег Волги, в Нижний, во время Макарьевской ярмарки, куда со всей великой реки приплывают затейливо украшенные этими изделиями суда. «Они местами напоминали буддийские храмы с фантастическими драконами, змеями, чудовищами. Местами «выставка» силилась уподобиться выставке крупных по размерам и ярких по цветам лубочных картин, а все вместе очень походило на нестройную связь построек старинных теремков, где балкончики, крыльца, сходы и поволуши громоздились один над другими…»6. Максимов не отрывал родной язык от его носителя — народа, от сферы его живого бытования. Он называл его богатым, сильным, свежим, кратким и ясным. Стихия языка отражала бытовую культуру народа. Уже

Пыпин отметил этнографическое значение этих произведений писателя. Нравственные каноны, моральные представления, эстетические вкусы, идеалы народа, по мнению Максимова, как и Г.И. Успенского, связаны с «властью земли», с земледельческим укладом национальной крестьянской жизни.

Своеобразной художественной формой воплощения земледельческой этнографии является книга Максимова «Куль хлеба и его похождения» — энциклопедия крестьянской жизни и труда. «Хлеб», по мнению Максимова, — это то фундаментальное начало, которое определяет и быт, и мировоззрение крестьянина, его жизнь с момента появления на свет и до самой смерти. Как у Г.И. Успенского без связи с землей нет жизни крестьянина, так и у Максимова ее нет без хлеба. «Без хлеба нет крестьянина. Хлеб на стол — и стол престол, а хлеба ни куска — и стол доска… Хлеб — дар божий, батюшка, кормилец — таковы представления крестьянина о хлебе». С теплотой и личной заинтересованностью описывает Максимов крестьянское житье, связанное с «властью хлеба», используя жанр путешествия-похождения: соломенную кровлю, соломницами завешенные окна, на соломе русский коренной человек родится, на ней он и помирает. Максимов дает подробное описание земледельческого труда, орудий, устройство жилищ и хозяйственных построек, географию русских деревень, описание пристаней, способов торговли хлебом, его (хлеба) «путешествие» по стране. Писатель рассказывает о строительстве хлебных барок, о ярмарках с их особенностями и нравами. Подробно описывает Максимов и различные сельскохозяйственные работы народа (главы: «Землю пашут», «Хлеб сеют», «Хлеб созрел — убирают»).

Рассказ о куле хлеба и его похождениях переплетается с этнографическими элементами и ими насыщен. Здесь же присутствуют и фольклорные включения в виде фольклорных цитаций разных типов, связанных с обрядовой поэзией: причитания по мужу («Моя ты, законная милость державушка! Уж я как-то, кручинная головушка, буду жить без тебя… Ты придай-ка ума-разума во младую во головушку»), печальные песни дочери. Подробно описывает Максимов и народные обычаи, обрядовый календарный фольклор, его содержание и характер: супрятки, святки, Рождество, масленицу, свадебные обряды. Его произведения — это художественный сплав самых разнообразных сведений и наблюдений над жизнью народа, уникальный по богатству фольклорно-этнографических материалов. «Куль хлеба» — книга о культуре старой деревенской Руси. «Бродячая Русь Христа Ради» — воссоздание народного миросозерцания с его стихийной материалистической трезвостью. Народный взгляд до

такой степени отражается в книге, что представляется, как справедливо замечено исследователем Ю. Лебедевым, что она написана умным и зорким мужиком, деревенским мудрецом, доморощенным философом7. Склад крестьянского ума запечатлен в самой стилистической манере повествования: в синтаксической конструкции предложений, в озорной игре словом, в склонности к витиеватому построению фраз, в остроумном использовании фольклора.

В этих книгах Максимов все тот же писатель-этнограф, исследователь, наблюдатель, и проза его отличается этнографическими чертами и деталями. Писателем подмечена искренняя любовь крестьянина к земле, оптимизм, удивительная выносливость, высокая поэзия народных праздников, и вместе с тем от его взора не ускользнули и демонологические представления крестьян, их верования в магические силы природы.

«Нечистая, неведомая, крестная сила» — это тоже своеобразный памятник народной культуры, этнографическое исследование, с энциклопедической полнотой воссоздающее поэтический мир народных верований и легенд. Рассказ о народной демонологии сочетается с ярким красочным описанием крестьянских годовых праздников, создавая этнографию бытового православия. Максимов подметил демонологическое мироощущение русского православного крестьянина с его своеобразным природно-космическим кругозором, ощущающего себя частью природы, верящего в духовные силы, сопутствующие крестьянскому быту, магические силы энергетики, такие, как «царь-огонь», «вода-царица», «мать- сыра земля». И в этом воплотилось единство человека с землей и микрокосмосом. Очерки Максимова не похожи на фактографические хроники, а организованы сюжетно. В них отразилась обрядность, внутренняя сущность быта, целесообразность исторически сложившегося жизненного уклада. Неслучайно многие исследователи отмечают композиционное изящество, строгость сюжета, ритмическую законченность очерков Максимова. Народное творчество в произведениях писателя словно оживает, расцвечивается всеми цветами радуги, потому что всякий раз он погружается в живую жизнь. Литературная форма «Очерков из народного быта» («Крестьянские календарные праздники») — это особая беллетристика. Она проникнута ярко выраженным личностным началом. Внимание Максимова приковано не только к описанию праздников с элементами обрядности, хотя эти фольклорные начала вносят элемент интертекстуальности в повествование, но и к проявлению православного сознания крестьян. В поле зрения

писателя — человек. Максимова волнует не только описание ритуальных атрибутов праздника, но и психология восприятия его крестьянским миром: ожидание праздника, психология поведения, чувства, которые испытывают крестьяне, отношение народа к праздникам. Максимов рассматривает праздники как элементы народного быта: святки, Рождество Христово, Новый год, Крещение Господне, Сретение Господне, Масленица и др. Все эти явления народной жизни — элементы бытового православия, входящие в повседневную жизнь народа. Они ценны для писателя осмыслением народного мира, как выражение его нравственных качеств. Народ отдается с увлечением, радостью этим праздникам, не остается равнодушным к общему веселью. Максимов отметил торжественно-приподнятое настроение крестьянства. В однообразную трудовую жизнь крестьянства вливаются календарные праздники, целая волна новых впечатлений. Суровые деревенские будни сменяются широким привольем и целым рядом забав и развлечений: игры, песни, сборища и гаданья дают тон общему веселью и скрашивают унылую деревенскую зиму. Так, святки, пишет Максимов, в крестьянском быту считаются самым большим, шумным и веселым праздником. «На святках самая строгая мать не заставит дочку прясть и не будет держать за иглой в долгие зимние вечера, когда на улице льется широкой волной веселая песня парней, когда в «жировой» избе, на посиделках, заливается гармонь, а толпы девушек, робко прижимаясь друг к другу, бегают «слушать» под окном и гадать в поле»8. В гаданиях, замечает автор, разыгрывается досужее девичье воображение, подстрекаемое желанием знать, что ждет впереди, кого судьба пошлет ей в мужья: пригожего ли доброго молодца, ласкового и милого, или старика-ворчуна, постылого скрягу с тяжелыми кулаками. «Страшное гадание» довольно заметно отражается на душевном состоянии гадальщиц. Наблюдения писателя свидетельствуют, что «почти на протяжении всех святок девушки живут напряженной, нервной жизнью». В их православном сознании борются добро и зло. «Воображение рисует всевозможные ужасы, в каждом темном углу им чудится присутствие неведомой, страшной силы, в каждой пустой избе слышится топот и возня чертей, которые до самого Крещения свободно расхаживают по земле и пугают православный люд своими рогатыми черными рожами»9.

Воображение подпитывается и различными рассказами, живущими в сознании крестьян, о страшных приключениях с гадальщицами, которыми запугивают девичье сознание старухи и

пожилые женщины. И только теперь, после бытового освещения праздника, передав описание мироощущения народа, Максимов вводит рассказ крестьянки Евфросиньи Рябых из Орловского уезда, являющийся плодом народной фантазии.

Максимов отмечал бытовой характер православных обычаев, обрядов. Так, Рождественский сочельник повсеместно проводится крестьянами в самом строгом посте. Едят только после первой звезды, причем сама еда в этот день обставляется особыми символическими обрядами. Перед заходом солнца крестьяне становятся на молитву, потом зажигают восковую свечу, под образами ставят не обмолоченный сноп ржи и кутью. Солома и не обмолоченный сноп составляют непременную принадлежность праздника. Они знаменуют собой пробуждение и оживление творческих сил природы, которые просыпаются за поворотом солнца с зимы на лето. Кутья, разведенная медом, также имеет символическое значение. Она знаменует собой плодородие10. В жизнь крестьян входят испокон веков установленные дедовские обычаи, освященные церковью и временем. Новый год представляет своего рода рубеж, отделяющий прошлое от будущего. Максимов пишет: «В этот день даже в самой легкомысленной голове шевелится мысль о возможном счастье или несчастье, а в сердце роятся надежды, может быть, и необычные, и ребяческие, но все-таки подымающие настроение и вызывающие какое-то смутное предчувствие лучшего будущего. В трудовой жизни крестьянина-пахаря, которая вся построена на случайностях и неожиданностях, это настроение приобретает особенную остроту, порождая те бесконечные приметы, своеобразные обычаи и гадания, которые приурочены к кануну Нового года и самому Новому году»11.

Символические образы, возникшие в крестьянском сознании, соотносятся с практическим опытом простолюдинов. Все приметы связаны с урожаем. Максимов двояко относится к вере крестьян в приметы. С одной стороны, в большинстве своем считает их порождением наивности и первобытности, а, с другой стороны, некоторые из них «делают честь» народной наблюдательности, характеризуют пытливость крестьянского ума. Не только приметы составляют народное миропонимание. Народная фантазия придумала целый кодекс гадания об урожае.

Исполняют крестьяне и обряд водосвятия, совершаемого в канун Богоявления, считая его особо важным торжеством. Максимов замечает, что этот день крестьяне проводят в строжайшем посте, а во время вечерни маленькие деревенские храмы обыкновенно не могут вместить всей массы молящихся. Святую воду, принесенную из церкви, крестьяне пьют, кропят ею

весь дом в уверенности, что это предохранит от напасти и «дурного глаза». Они верят в целебную силу этой воды, твердо убеждены, что она не может испортиться, а если замерзнет, то на льду получится ясное изображение креста. Такое же священное значение приписывается крестьянами не только воде, освященной церковью, но и обыкновенной речной воде, которая в канун Крещения получает особую силу. В празднике Крещения, в его своеобразных обрядах и обычаях, христианская вера как бы переплетается с языческими суевериями. Многовековая культура трудового народа по-своему ассимилировала христианские верования. Православное бытописание, к которому обратился Максимов, является одним из интереснейших элементов народной культуры, которую так высоко ценил писатель.

Христианские праздники сочетаются с общим ритмом трудовой крестьянской жизни, с их думами, чаяниями, магическими действиями, связанными с заботой об урожае, прибыли скотины и т. д.

Приведенные нами только отдельные картины духовного быта крестьянского православия свидетельствуют об отдельных сторонах жизни народа, подмеченных писателем, об их соотнесенности с религиозно-нравственным сознанием русского крестьянина. Вместе с тем, характеризуя особенности художественной манеры писателя, его стремление не просто регистрировать, описывать этнографические детали, ритуалы и атрибуты праздничного христианского календаря, исполняемого на Руси, мы отмечаем его стремление не просто раскрыть, описать праздник, но и создать атмосферу восприятия праздника, выразить настроения крестьянской массы, подчеркнуть бытовой, жизненный характер исполняемых обрядов, не отделимых от повседневной жизни народа. В очерке Максимова художественная изобразительность переплетается с научной этнографией.

На какие нравственные ценности опирался писатель в своих контактах с народной культурой? Как осуществлялось художественное освоение ее писателем? Каковы корни и истоки контактов с ней?

Максимов, наряду с Н.С. Лесковым, является одним из самых «укорененных» в национальной культуре писателей. Корни и истоки творчества Максимова связаны не только с изучением жизни народа как наблюдателя, фиксатора событий, собирателя. Он слился с ним, чувствовал его, сроднился тесно с русской природой и русской жизнью, глубоко понимал быт крестьянина, осмысленный верным взглядом на жизнь, склад его ума, практическую философию, речь русского человека, народное мироощущение — корни и истоки его творчества. Истоки

контактов — в близком знакомстве Максимова как с материальной, так и с духовной сторонами жизни народа, поскольку всепроницающие сферы народной культуры растворяются в национальном быту и одухотворяют его.

Фольклорно-этнографические впечатления входят в сознание писателя подлинными чертами крестьянского быта, отдельными аксессуарами крестьянского обихода от изб и деревенских трактиров с их атрибутами до зимних «засидок» баб с прялками, коклюшками, святочными гаданиями, обрядами, свадьбами, народными песнями, метким словом и юмором. Точно подобранные песни, пословицы, легенды даже в жанре похождений («Куль хлеба…») создают социально-этнографические черты и особую целостность в изображении явлений народной жизни. Постижение крестьянского мира писателем достигается и изобилием его встреч с героями будущих очерков, разнообразными народными типами. Первоисточники демократических устремлений и насыщенности художественного сознания писателем народной культуры — это не только страннические годы (хождения в народ), из которых выносится круг фольклорно-этнографических явлений действительности, породивших целые циклы очерков — «Лесная глушь», «Год на Севере», «Куль хлеба и его похождения», «Бродячая Русь…» и др. Очевидно, что в них отразилось художественное осмысление внутренней сущности социального и морально-философского крестьянского быта, целесообразности исторически сложившегося жизненного уклада, художественной обрядности поэзии народного творчества, образности языка. Очерки написаны от лица народа, пронизаны крестьянским взглядом на мир, здравым смыслом и простодушием. Максимов поэтизирует крестьянскую жизнь в обыденности ее нравственно-эстетического ритуала как элемента народной культуры, но, вместе с тем, ведет беспощадную критику ее темных сторон с позиций крестьянского миросозерцания.

Впечатления детства и юности, почерпнутые писателем на родине в глуши Костромской губернии, сближение с простонародной сельской стихией, с родной природой и по-нищенски бедным, но умным и щедро- талантливым народом, сохранившейся древней народной культурой, с особенностями крестьянского быта, его обычаями, обрядами также объясняют истоки его творчества. Так значительно это влияние на формирование «народнического» писательского таланта Максимова и его демократических убеждений, что описание посада Парфентьева войдет в его художественный цикл «Лесная глушь».

Именно в родных местах зародилась любовь писателя к той, «беспомощной нищете, которая ласкала и любила его». В рассказе «Грибовник» Максимов писал: «В самой далекой глуши одной из отдаленных и глухих северных губерний наших, в двухстах верстах от губернского города, завалился бедный городок — посад Парфентьев — красивое лесное место с первозданною природой… Дорога в Парфентьев от губернского города Костромы начинается сразу лесами… Подъезжая к Парфентьеву, оглянитесь: много ли таких картинных местностей на Руси святой? Кругом обступили горы… По горам стоят густые сухие леса, так называемые боры… Леса кажутся в таком изобилии, что будто разлилось лесное море, среди которого даже не видать и этих блестящих островков с лугами и селениями. Огромное беспредельное море лесов, среди которого становится даже положительно страшно… Воздух пропитан ароматом окрестных сосновых лесов и пропитан смолой»12.

Однако за всей величественной первозданной природой от внимательного взгляда писателя не скрывается беспомощная бедность посадского народа. «Бедность жителей поражает всякого при первом взгляде: нет ни одного каменного дома, а большая часть деревянных прогнили до слез, покривились и полуразрушились. Наряд жителей — шитье из домотканых материй… Окрестные крестьяне все сплошь обуты в дешевый продукт березового и липового дерева: в шептуны и лапти… Словом сказать, — замечает писатель, — посадская бедность сквозит отовсюду»13.

Контакты с народной национальной культурой служат Максимову опорой в поисках нравственных идеалов, объясняют истоки его художественно-образного мышления и определяют специфику его «народного творчества», в котором синтезируется литература с народной культурой, поиск героя ведется писателем через духовное, нравственное, национальное осознание русского человека. Народная культура и форма народного сознания моделируют взаимодействие человека в его нравственной и эстетической сущности и мира как выражения нравственных ценностей народа.

В художественной прозе Максимова фольклору и другим компонентам народной культуры по своим идеологическим и художественным особенностям отводится первостепенная роль. Максимов — писатель-первопроходец, исследующий новые, еще не освоенные литературой его времени явления действительности, обратившийся к глубокому исследованию народной души во всех ее проявлениях, писатель особого склада личности, вобравший в себя в общении с народом лучшие

стороны национального характера. Следует согласиться с Ю.В. Лебедевым, что «мало назвать С.В. Максимова беллетристом-этнографом. Такое определение понижает ценность его творческого наследия, обедняет вклад писателя в историю русской литературы и общественной мысли середины и второй половины XIX века. Максимов, конечно, имел незаурядный дар ученого-этнографа, но собственно этнографическими вопросами он никогда не ограничивался, оставаясь еще и талантливым писателем, чутким к движению народной жизни, народного сознания»14.

Заинтересованность всеми сторонами народного быта нашла отражение уже в первых рассказах и очерках писателя, отсюда, из этого источника, и явился фольклоризм и этнографизм Максимова-художника. Первые очерки появились в 50-е годы XIX века и впоследствии вошли в книгу «Лесная глушь».

Лесная глушь — собирательный образ родины с ее природой и по-нищенски бедным, но умным и щедро-талантливым народом, с сохранившейся древней народной культурой, с особенностями крестьянского быта, его обычаями и обрядами.

Природа и русский крестьянин, в тяжелых жизненных условиях сохранивший живую душу и щедрый поэтический талант, — вот два начала, которые утверждаются в очерках и могут быть положены в основу объединения в единый цикл, казалось бы, совершенно разных по своему характеру очерков и рассказов. Именно очерковый цикл и возникает на этом идейно-проблемном сопоставлении, последовательно развивающемся как в этом цикле, так и в последующих созданных писателем циклах. Крестьянский тип — это народный характер, носитель художественной культуры народа. Писатель утверждает, что беден материально, но духовно богат народ, сохранивший старые русские обряды и обычаи, так самозабвенно отдающийся «фольклорному действу» и сам его творящий, способный «сказку ли смастерить на смех и горе, чтоб и страшная была и потешная, песню ли спеть, чтобы в слезы вогнать и кончить сиповатым пением старого петуха и кудахтаньем курочки; овцой проблеять, козелком вскричать и запрыгать сорокой; собаку соцкого передразнить и замычать соседской коровой»15.

Знание народной жизни, крестьянского быта и духовной культуры народа, нашедшие отражение в художественном творчестве Максимова, породили особый стиль его прозы. В описание народной жизни органично входит народная художественная культура, этнографические и фольклорные зарисовки народного быта, разнообразные народные типы, фольклорно-этнографические картины выступают в живом

процессе народной жизни, запечатлеваются в их объективной самопроявляемости.

В цикле очерков и рассказов «Лесная глушь» этнографический очерк «Крестьянские посиделки в Костромской губернии» открывает читателю духовный мир народной культуры. Включение разных фольклорных жанров в художественную ткань очерка и других очерков и рассказов цикла свидетельствует о нерасторжимости начал жизни народа и его культуры. В очерке преобладает описательно-повествовательное изображение, складывающееся в основном из наблюдений рассказчика, составляющих композиционный его центр. Сюжет развивается согласно жанру бытописательного очерка, воспроизводятся наиболее типичные картины деревенских посиделок, как сам автор отмечает: «…по возможности, верная картина деревенских святочных вечеринок». В основном в очерке нет индивидуальных портретов, для автора важен собирательный образ народа, массы как носителя фольклорных начал и традиций. Изба наполнена народом: это и деревенские девушки и парни, и замужние молодые женщины, ребятишки на полатях, до половины свесившиеся вниз, толпа ребят. Однако среди них автор выделяет старика — хозяина избы, создавая его портрет и характер исключительно отдельными деталями. Сначала появляется его «густая рыжая борода, опиравшаяся на оба локтя рук», затем раздается голос старика, когда в избе наступило затишье — что-то не спорилось. Для автора важен в целом народ, как участвующий в действии, так и воспринимающий «фольклорное действо», поэтому в авторское повествование включаются реплики действующих лиц, описание прерывается диалогами, исполнением песен и фольклорных обрядов. Кульминация повествования достигается с появлением ряженых, разыгрывающих сатирические сцены народного театра. Эти сцены комментируются как автором, так и самими действующими лицами из толпы. Народ отдается непосредственно веселью: «Ряженые идут, ряженые идут! — раздаются радостные громкие крики. И в самом деле, — пишет автор, — отворилась дверь, толпа ребят расступилась, и из густого пару, вдруг охватившего всю избу, явились посреди избы три фигуры в вывороченных наизнанку шубах, представляющие медведя, козу и вожатого. Они встречены взрывом хохота»16. Ряженые появляются трижды, и постоянно автор фиксирует реакцию толпы — народа — это «взрыв хохота», «страшный взрыв смеха», «восторг публики». Так, верх восторга публики вызвала сцена, разыгранная высоким чучелом с страшным животом и горбом, длинной тонкой фигурой старухи, одетой в изорванный сарафан. «То мгновение, когда

старуха как бы нечаянно подожгла кудельную бороду мужа и этим фейерверком возбудила истинный фурор: у многих девушек от смеху появились на глазах слезы, во многих углах слышались восклицания, оканчиваемые новым взрывом: — О, чтоб вас разорвало!.. Уморили со смеху, балясники!»17.

Рассказы Максимова дают ценные сведения о фольклоре. Писатель стремится к полноте изображения, документализму, вводит в описание календарный фольклор, живо и подробно передает обстановку действия, указывает сроки исполнения обрядов. «Лишь только кончится в овинах молотьба хлеба, и время пойдет к так называемым Кузьминкам: простой народ уже начинает по заведенному порядку приготовлять зимние развлечения». И далее с предельной точностью писатель передает народный обряд. «За четыре дня до Кузьмы и Демьяна девушки известной деревни ходят по избам и собирают складчину: хозяева побогаче и зажиточнее дают говядины, поросят, кур, крупы, муки, солоду, масла; победнее — яиц, молока, хмеля. Собравши складчину, выбирают и отпрашивают просторную избу и начинают приготовления к празднеству: варят пиво и сусло, пекут пироги, приготовляют лапшу и в самый день праздника открывают пир сытным, жирным обедом. Главными гостями на этом пиру, разумеется, являются деревенские парни в красных рубахах, обязанные принести вина для себя и хозяина избы, орехов и пряников для хозяек и заводчиц пиршества. После обеда бывает первая вечеринка, как бы репетиция будущих святочных посиделок. Какой-нибудь ухарь-парень, засучив по локоть рукава, затрикает на балалайке, и начинаются пляски и песни, продолжающиеся всегда до третьих петухов»18. «Крестьянские посиделки в Костромской губернии» — очерк бытописательный, рисует живо схваченные картины народной жизни. Этнография и особенно фольклор, колорит народной культуры, придают прозе Максимова этнографический характер. В то же время уже ранние очерки свидетельствуют о том, что в писательской манере Максимова явно начинают проявляться особенности русской литературной школы. Ему близки лирические мотивы раннего творчества Н.В. Гоголя. «Крестьянские посиделки» после плясок и пения девушек и парней заканчиваются описанием следующей картины, носящей ярко выраженное лирическое начало: «Наконец в избе все смолкло, кроме грудного ребенка, но и тот вскоре угомонился, и только изредка раздавался скрип его люльки, качаемой ногой сонной матери, да чириканье сверчка за печкой»19. Если обратиться к одному из литературных источников, которые формировали писательский талант Максимова, — то это была русская литература его времени и,

прежде всего, гоголевские традиции. Стилистически вышеприведенная картина близка к завершающей сцене «Сорочинской ярмарки», когда парубки и девушки притоптывали ногами и вздрагивали плечами. «Все неслось. Все танцевало». Но вот «гром, хохот, песни слышались тише и тише. Смычок умирал, слабея и теряя неясные звуки в пустоте воздуха. Еще слышалось где-то топанье, что-то похожее на ропот отдаленного моря, и скоро все стало пусто и глухо»20. В ранних очерках Максимова прослеживается связь с физиологическими очерками натуральной школы. Максимов воспроизводит тип человека из народа, характеризуемого по его профессии: швецов, булынь, маляров и т. д., что подчеркивается названием очерков.

В очерке «Булыня» Максимов включает в текст повествования своеобразный календарь крестьянской трудовой деятельности с авторскими комментариями: «С весны уже начинают бабы-хозяйки думать о будущем лете и по приметам судят о нем… Дал бы Бог на Сороки холодных утренничков, — думают они, — хлеба недороду не будет, и на Фофана (Феофана, 12 марта), да на Человека Божья (17 марта) станут расстилаться по земле густые туманы — и на лен устоит урожай. И вот Марьи (1 марта) — зажглись снега, заиграли овражки, прилетели скворцы и жаворонки, вскоре ворон выкупал в новой воде своих детенышей; там подошли рассадницы, и «разрой берега», и «Алексей — с гор потоки»; и на Ирину — «урви берега» засеяли морковь и свеклу; мужик повернул оглобли и бросил сани на поветь»21. Писателем раскрываются самобытные народные характеры средствами реалистической типизации. Талантливость народа, его практический изобретательный ум близки и понятны автору. Так, Фомка-дружка из одноименного рассказа «Дружка» «во всех делах мастер», «лихой малый», «сорвиголова», «им одним вся свадьба стоит, весь пир и веселье». «В свайку затевают ребята играть… никто чище Фомки не ввалится в середку колечка… В чехарду сговорились ребята — обочтет их Фомка… В прятки ли играть, так и не снимайся лучше: заберется туда, что целый час ищут, да так и бросят»22. Отталкиваясь от традиций народного рассказа, автор обращается к литературной традиции, соотнесенной с творчеством Гоголя. Так, характеристика Фомки реалистична, типизируется на общем фоне народной талантливости, изобретательности крестьянского ума. «Кого чем Бог поищет — так и станет: иному, например, грамота далась… Кому плотничья работа далась: с маху полено крошит и просто бесклинушка. Смотришь, выведет на чистом новом столе и петушка с курочкой, и зарубочки во всех углах с выемками. Другому иное художество далось… Песни любит петь. Вот Фомка… всюду хватало мастера

Фомку»23.

С целью создания реалистического характера автор приводит и оценки героя окружающими, деревенским людом. «Дивились молодцы своему товарищу, еще смолоду и во всем ему отдавали почет… Заноза, сорвиголова! И парень не олух; в работе спешен и песнями умеет потешить, с ним и стог нагребешь шутя, и сноп завяжешь, — говорили старики-семьяне. Сказки рассказывает лихо и поговорки плетет, словно сам набирает, — толковал целовальник. Больно зубаст, да привередлив! — отзывались бабы замужние. Эх, как бы Фомка взял за себя, — думали девки»24. По-разному оценивает Фомку деревенский люд, и это придает его образу живую реальность. Портрет Фомки автор рисует «взглядом со стороны». «Стал он молодцом, и увидели девки, что едва ли Фомка не пригожее всех в деревне: и лицо кругло и румяно, а кудри и курчавая кругленькая бородка». Однако портрет Фомки создается Максимовым в духе эстетики устной народной поэзии: герой — пригожий добрый молодец. Сам Фомка как дружка сливается с ней. Бойко ведет он на сговоре и свадьбе старинные простоплетенные приговоры:

«Стану я, добрый молодец,
От прибоинки кленовые,
От столба перемычного,
Из-за скатерти браныя,
Из-за сгибня высокого,
Стану я вас величать
Стану чествовать»25.

Подхватывает он разговоры бывалых свадебных гостей:

«Колос от колосу —
Не слыхать человечья голосу,
Копна от копны —
На день езды,
А коли тише поедешь,
Так и два дня проедешь»26.

Речь Фомки насыщена пословицами и поговорками. Повествование о судьбе Фомки-дружки, талантливого русского мастера, ведется автором на фоне включения в ткань рассказа различных жанров народного творчества, они функционируют в целостном живом процессе народной жизни. Не лишен рассказ и психологизма. Отказался Фомка от любимой. И громко вопит,

набирает приговоров, выкрикивает, голосит она по Фомке (на своей свадьбе). И недоумевают сельчане-большаки, не понимают они Фомку: «Ему то бы в мутной воде и рыбу ловить: девка любила, родители не косились, жил бы на тестьевы деньги… Жил бы, жил, дурак, в теплом месте за пазухой у тестя богатого: и лапотки бы не плел, все бы в сапогах со скрипом щеголял. То-то ведь дураково поле!»27. Автор оставляет финал открытым, но в этой открытости чувствуется внутренний конфликт, столкновение живой души народной с житейской моралью.

Пейзаж в рассказе оттеняет жизнь крестьян, носит этнографический социальный характер, связан с повседневными их заботами, в нем проявляется крестьянский взгляд на мир. Он дан в сказовой манере, литературный стиль чередуется с народным повествованием: «Прошло, наконец, наше северное неустойчивое лето. Было сухо: долгое ведро тянулось. Пошел раз дождик, припрыснул слегка, и заволокло широкое небо серыми тучами вплоть до самого покрова. Что ни утро, то и грянет назойливый ливень, и мутит целые сутки». Пейзаж дан в движении, передает естественный ход событий, определенный временем: «Наконец, пришлось мужикам порадоваться: проглянуло солнышко, но узнать его нельзя: совсем стало не летнее. Да и на том спасибо, что хоть опять установилось ведро и дало время поубраться, а то хоть зубы клади на полку: к ниве просто-напросто приступу не было; все залило водой; все отсырело… Но вот и первоснежье наступило: пошла бездорожица, настали метели да вьюги и — обелилась земля, замерзла она вершка на два. Завалились старики на печь; сел большак за лапоть, большуха за стрижку бяшек, а молодое племя ссыпки затеяло, и начались заветные супрятки». В пейзаж Максимовым включается изображение уклада крестьянского быта, и воссоздается он колоритным народным языком, интонацией устного повествования.

Рассказ «Швецы» также дает представление об особенностях художественной манеры письма Максимова. «Швецы» по жанру, как называет его сам автор, очерк. И, действительно, начало его, повествующее о швецовском промысле, об особенностях организации его, географии мест работы швецов, носит этнографический характер. «Швецы, — пишет Максимов, — которых можно также обозначить именем деревенских, или даже лучше, русских портных. В большей части Костромской губернии обязанности швецов исполняют жители одного из самых промышленных и многолюдных его уездов — Галицкого, который сотнями высылает плотников, пильщиков, каменщиков и печников в Петербург и Москву…».

Однако на фоне общих размышлений о швецовском промысле автор выделяет в очерке рассказ про одиночных швецов, простую и нехитрую картину проявления швецовского ремесла. Таким образом, очерковому жанру придаются идейно-художественные элементы рассказа, и в то же время композиция его может быть определена как рассказ в рассказе.

Сообщая о причинах появления швецов в крестьянских избах, автор продолжает повествование и создает профессиональный тип швеца. Рисуя первоначально коллективный портрет мужиков-путников, Максимов обращает внимание читателей на профессиональные детали. «Нетрудно узнать догадливому то ремесло, которым занимаются эти мужички-путники… Почти что новенькие овчинные шубы туго-натуго подпоясаны красными или синими кушаками и надеты на коротенький полушубок. На спине каждого из них крепко привязан небольшой кожаный мешок, укрепленный на груди крест-накрест наложенными ремнями. Внизу ремней из-за кушака торчат огромные ножницы». К профессиональным деталям коллективного портрета добавляются палочки дубовые, коротенькие, по нарезкам и четырехугольной форме которых нетрудно различить самодельные аршины. Спутники немного сутулы и ступают неровным шагом.

Своеобразие портретов у Максимова состоит в том, что человеческие качества, воспринимаемые безотносительно к профессии («насмешливые глаза, открытая физиономия»), даются в сопоставлении этих качеств у профессиональных групп людей: «Открытая физиономия: не сонная, как у каменщика и печника, а такая же смелая, как и у иного ярославца-петербургского лавочника». Однако здесь уже выделяются отдельные типы крестьян, которых «женщина-хозяйка» называет собирательным именем «ребята». Это убеленный сединами дядя Степан, его «опытная старость» всегда «стоит на страже», и Петруха, и Ванюшка — всех их объединяет братская дружба. «И нигде, можно положительно сказать, нет такого единодушия и товарищества, как в швецовских артелях, — пишет автор. — …В этом обоюдном братстве могут спорить со швецами одни, может быть, земляки-плотники питерские в своих артелях».

Среди швецов — остряк, балагур — по замечанию автора, — «неизбежное лицо во всей швецовской компании» — Тереха. Его образ сродни Фомке-дружке. И первая произнесенная им реплика в рассказе: «…вот он, Починок — то! Давно мы тут рыщем, а все тебя, молодца, ищем: принимай добрых людей, да давай им работу-вольготу!» — свидетельствует, что это самобытный народный характер. Именно с ним войдет в рассказ поэтическая сторона народной жизни — все жанры народной поэзии:

присказки, пословицы, поговорки, загадки, песни, сказки. Он — мастер-рассказчик. Через народный, фольклорный элемент раскрывается характер Терехи.

Фольклор органично входит в повествование о быте крестьянской семьи. Вдохновенна и беспредельна фантазия Терехи в разговоре с женщинами-хозяйками. Работа швецов постоянно «приправляется» рассказами Терехи. То он рассказывает сказку про швецов Власа и Протаса, то долго «болтает» молодухе сказку про белого бычка, то загадывает загадки. Острый ум Терехи выискивал всякий предмет в избе, чтобы сочинить загадку. «На один горшок — бабий струмент и любимое детище — у Терехи нашлось тридцать загадок, — всего больше. Прошел он по избе глядеть, так загадывал загадку про все, что на глаза попадется».

Автор показывает живую душу народа, поэтизирует народную жизнь, но, вместе с тем, от пристального взгляда писателя не скрываются ее негативные стороны — крестьяне разорены и вынуждены идти в отход, заработка их недостаточно даже на квас и хлеб. «В нашем ремесле, — говорит Тереха, — из-за хлеба на квас не заработаешь. Теперь все и хозяйства, что вот есть на себе, во дворе скотина — таракан да жуковица, а с медной-то посуды всего одна пуговица». Так рассказ о крестьянской жизни получает социальное звучание. Оно углубляется с введением в очерк точной статистики расчета — хозяина-сотского со швецами, использованием «языка фактов». Сотский заплатил швецам по заведенным ценам: два рубля за два полушубка, рубль двадцать копеек за два армяка, семьдесят копеек за шубу и пятьдесят копеек за новую теплую шапку.

Автор вводит в очерк и описание трудовых сцен, выписывает профессиональные детали, принадлежности швецовской работы: «…из развязанных мешков показались: утюги, наперстки, кусочки синего воска, обглоданный мел, наконец, суконный цилиндрик самодельной работы, назначенный для булавок и иголок с большими и маленькими иглами». Показан также подробно и сам процесс швецовского труда: сушка, вытягивание овчин, наметка, кройка. И в этом, как подчеркивает автор, Тереха был мастер. Он развесил овчины на шесте перед печкой, несколько раз снимал, чтобы вытягивать руками, а в некоторых местах для сравнения морщин ухватился даже зубами. Он наметил намалеванной ниткой прошивы и начал кроить. Автор пишет, что работали швецы долгое время, пока не запели вторые петухи.

Описание трудовых сцен служит раскрытию народного характера. Максимов подчеркивает страсть швецов к профессии.

Швец как бы чувствует, по словам автора, близость любимой работы. «Весной, летом, в начале осени швец ни в чем не отличается от любого соседа, мужика-нешвеца… Исполняет все, что требуется по хозяйству… Незаметно входит в сферу жизни семьянина-пахаря… Изогнул он свою спину на пашне и подрезает серпом высокую рожь и пшеницу. Заволокло снежком всю улицу, валит пар из избы, а грачи и ворона так и гоношат, чтобы сесть поближе к трубам на крыше… И снова поплелись швецы по ухабистой дороге в знакомые селения — шутки творить, работу спорить». Так в труде и мудрости народного быта воспроизводит Максимов народный характер.

Пейзаж в рассказе не част, однако этнографически точен, передает признаки, приметы, в отдельных деталях целые картины времени: то это пооблетевший с черемухи лист, то опустевший скворечник, то заволокло снежком всю улицу, валит пар из избы. Стилистически пейзаж дан в манере русского сказа.

Речь героев изобилует пословицами и поговорками: «Мели Емеля — твоя неделя», «У наших ребят руки не болят», «Много будешь знать — мало станешь спать», «Не сам говорит, а хмель за него распорядок творит».

В очерке нет индивидуальных портретов швецов, выделяются только отдельные детали, как белая голова Степана, насмешливая улыбка на рябом лице Терехи. Автор создает обобщенный социальный тип, однако приобретающий черты народного характера.

Общение с народной поэтической стихией придает его героям особую индивидуальную выразительность. Эмоционально-выразительно воспринимаются крестьянами рассказы, присказки в скучные зимние вечера, которые напевали в деревнях бабушки своими дрожащими, старческими голосами. Порой слушатели испытывали чувство страха. «Иной раз и страшно сделается, — пишет автор, — и чуется привычному духу, как:

По селам ткут,
По деревням ткут,
Одна баба-яга
Костяная нога,
Помелом метет
Вдоль по улице.
Захотелось ее
Все б по Ваниным
Да по Машиным
Все б по косточкам
По ребяческим

Покататися,
Повалятися».

Следует отметить, что уже в ранних произведениях, в таких, как рассказ «Сергач», для творческого метода Максимова характерны не только точность и полнота описания этнографических явлений, включение фольклора в живой процесс народной жизни, но и стремление к психологическому анализу. Внимание автора в соответствии с художественным замыслом фиксируется на сергаче. В отличие от других рассказов, где даны коллективные портреты, автор подробно описывает индивидуальный портрет героя. Однако профессиональные детали для него тоже важны: «…низенький мужичок в круглой изломанной шляпе с перехватом по середине, перевязанным ленточкой. Кругом поясницы его обходил широкий ремень с привязанной к нему толстой железной цепью; в правой руке у него была огромная палка — орясина, а левой держался он за середину длинной цепи».

Рядом с сергачем, как и в других рассказах, народ, толпа, сбежавшаяся в праздничный день со всех концов большого села Бушнева. Стена зрителей густа и разнообразна, она так же собирательна, как и в «Крестьянских посиделках». «…Тут были и подвязавши пестрые передники под самые мышки доморощенные оженушки, охотницы щелкать орехи, хихикать, закрываться рукавом и прятаться друг у дружки за спиной. Толкались и ребята в рубашках без шапок… Подобрался позевать и приезжий посадский парень, вырядившийся в свою праздничную синюю сибирку… Подошел посмотреть и волостной писарь в халате».

Народное искусство (а перед ними разыгрывалась «медвежья комедия» с изображением всех ее сцен, песенок, прибауток. — А.Ф.), по наблюдениям Максимова, — «диковинное наслаждение», «истинный на улице праздник». Автор описывает и комментирует все действия сергача и медведя: медведь пятится назад и переступает с ноги на ногу, привстает на задние лапы, лежит на спине, болтает ногами и машет передними лапами, изображая как молодицы-красные девицы умываются студеной водой, смотрятся в зеркало, а старые старухи в бане парятся. В действие включается коза — парень, другой — проводник. Автор пишет: «…вытащив… грязный мешок, он быстро просовывает в него голову и через минуту является в странном наряде, имеющем, как известно, название козы. Мешок этот оканчивается на верху деревянным снарядом козлиной морды, с бородой, составленной из рваных тряпиц; рога заменяют две рогатки, которые держит

парень в обеих руках. Поется песенка:

Ну-ка, миша, попляши,
У тя ножки хороши!
Тили, тили, тили-бом!
Загорелся козий дом,
Коза выскочила,
Глаза выпучила,
Таракан дрова рубил,
В грязи ноги завозил.

И опять медведь делает круг, и под веселое продолжение хозяйской песенки, которая в конце перешла уж в простое взвизгиванье и складные выкрики, с трудом можно различить только следующие слова:

Ах, коза, ах, коза,
Лубяные глаза!
Тили, тили, тили-бом,
Загорелся козий дом».

Так же, как и в других рассказах, здесь народное искусство входит в крестьянский быт. Запечатленные в прозе Максимова культурные стереотипы эпохи приобретали значение национально-демократических символов и влияли на прогрессивное развитие России в русле ее традиций. В рассказе автор приводит реакцию зрителей: «девки хохочут», «ребята закатились от смеха». В повествование включаются диалоги, которые ведет сам рассказчик, старик-крестьянин, а затем любознательные завсегдатаи питейного заведения. Поджигали сергача вопросы его слушателей, хитрая речь и хмельная водка. И вот уже сергач рассказывает всю подноготную, которую у него, у трезвого, не вышибешь колом. Рассказчик замечает: «…не уйти сергачу от любопытных вопросов и не отмолчаться ему, когда возьмет свое задорный хмель и начнет подмывать на похвальбу и задушевность». История сергача, рассказанная им самим, выводит героя за пределы только социального типа, обнажая внутренний индивидуальный мир, его человеческие качества, углубляется психологическая нюансировка образа, сцен, чувств, действий героя. Сергач способен любить, плакать, терпеть обиды ради привязанности к медведю, когда поп стыдит его на глазах народа, да так, «что земля под ногами горит». «Крепко стоит сергач-крестьянин за знакомое и привычное, только бы полюбилось ему

ремесло это», — пишет автор. Решительно, с достоинством отвечает сергач на предложение барина продать медведя на обивку полости казанских саней: «Нет, кормилец, ста рублей твоих не надо!» И это в тот момент, когда крестьянская бедность вопиюща: жена померла, домишко весь ветром продуло и солому всю снесло.

Речь сергача полна народных выражений: «Где сухо — тут брюхо, а где мокро — там на коленочках», «Зелен горох невкусен, человек не искусен», «И толк бы в тебе есть, да знать не вытолкан весь!». Наличие фольклора в художественной системе прозы создает и психологические коллизии, способствует раскрытию индивидуальной психологии героя, обнажает мир его эмоций. В общении с фольклором раскрываются самобытные характеры, проявляется талантливость народа и его мастерство.

Через рассказ сергача, речевую характеристику, включение фольклорных жанров и этнографии быта в повествование входит народная стихия и, вместе с тем, раскрываются социально обусловленные и индивидуальные черты персонажей. Сам же герой Максимова всегда среди народа — толпы, массы, крестьянской семьи.

И в этом рассказе в питейном заведении автор скупо, но выразительными деталями рисует слушателей сергача, создавая напряженную психологическую ситуацию. «Кто-то из слушателей подперлись локотками… а краснорожий сиделец всею массою жирного тела перетянулся через стойку и вытаращил масляные глаза».

Слушатели активно вмешиваются в повествование, и в итоге рассказ сергача вызывает единодушный тяжелый вздох. Таким приемом автор как бы усиливает трагизм положения умного талантливого крестьянина-отходника, судьба его типична. И следующая картина, рисующая грустную дорогу путников, тоже воспроизводится глазами народа, ее наблюдает вятский, выйдя на крыльцо питейного заведения. «И видит он, как поднялся сергач на гору и повернул направо к густому перелеску. Все меньше и меньше становились путники, чуть-чуть видна в дали деревенька… и ничего кругом: одно только длинное поле, по которому босому пройти кромешная мука: торчат остатки ржаной соломы… Идет хозяин все впереди, опираясь на палку, чуть-чуть передвигая ноги и низко опустив голову плетется и его медведь, сзади идет с котомкой коза-щелкунья. Можно еще и цепь различить, и ноги пешеходов, но вот все это слилось в одну сплошную массу и чуть распознаешь их от черного перелеска. Скоро и совсем потонули они в куче деревьев. Вот завыли где-то далеко собаки, видно, почуяли незнакомого зверя и дикое мясо».

Описывая их путь, автор включает пейзажные зарисовки: это гора, оголенный пар, деревенька, длинное поле, остатки ржаной соломы с пестами, черный перелесок, куча деревьев. Казалось бы, что это этнографически точный пейзаж, однако он служит для создания картины одиночества, затерянности человека в этом огромном пространстве, поглощения его окружающим безрадостным миром. Психологическая напряженность усиливается упоминанием о завывании собак, доносившемся до слуха путников, так и наблюдающего картину вятского. Поэтому и вздыхает он, вернувшись в питейный дом, и не случайно пытается запить тяжелое зрелище красулею. Финал рассказа психологически предопределен. Автор как бы подчеркивает трагизм положения умного, талантливого крестьянина, скупыми деталями воссоздается картина человеческой трагедии. Этнографический рассказ приобретает и психологические черты, психологизм входит в него как художественный элемент.

Ранние произведения Максимова включаются в литературный процесс 50–60-х годов. В разработке народной темы Максимов идет по пути, проложенному Далем и Григоровичем. В писательской манере Максимова уже в 50-е годы проявляются характерные особенности русской литературной школы. Однако несмотря на близость первых его произведений к физиологическим очеркам, уже проявляется стремление Максимова-писателя изучить, исследовать общественные явления, вскрывая внутренние связи и конфликты, обнажая социальное и имущественное неравенство.

Очерки и рассказы Максимова приобретают социальное звучание. В них выражаются его демократические устремления. Эта направленность его очерков и рассказов ставила Максимова в один ряд с писателями-демократами 1860-х годов.

Вместе с тем уже в раннем творчестве Максимова проявились специфические черты и особенности его художественного метода, которые позднее позволили А.Н. Пыпину назвать его одним из лучших представителей нового общественно-этнографического направления русской литературы. Этнография и фольклор органично вошли в повествование о крестьянском быте и создали особый тип художественно-этнографической прозы, для которой характерна точность и полнота в изображении этнографических явлений, запечатление фольклора в живом процессе народной жизни. Обилие фольклорных включений, введение в текст различных жанров народного поэтического творчества придают прозе писателя фольклоризованный характер.

В обрисовке героя, портрета, пейзажа Максимов шел от народной эстетики. Речь его персонажей обогащена

образотворческой стихией народного языка. Интерьер уже в ранних произведениях носит этнографический характер, подчеркивает обстановку материального быта крестьян.

Произведения Максимова лишены внешних конфликтов, однако они имеют внутренние, связанные с осмыслением писателем закономерностей социальных явлений с точки зрения крестьянского мировоззрения.

Основная роль в повествовании отводится рассказчику-повествователю: он связывает сюжет, оценивает и комментирует события. Рассказы и очерки построены на достоверных фактах, и это придает им характер документальности. Однако документальность не исключает художественность. На грани документализма и художественности в творчестве Максимова появляется художественно-этнографический очерк, развивающийся в русле крестьянского очерка 1860-х годов.

Рассказ у Максимова по своей художественной природе близок к очерку. Так «Сергач» имеет жанровые признаки и рассказа и очерка: обширные историко-этнографические описания, вводимые автором, сближают его с документальным очерком. С другой стороны, как это характерно для рассказа, сохраняющего композиционную замкнутость повествования, действие сосредоточивается на человеческой судьбе. Пейзаж также выходит за пределы этнографических описаний и играет роль психологическую. По-видимому, рассказ Максимова объединяет опыт физиологического очерка и этнографических описаний. Жанр рассказа Максимова имеет свою специфику. Это рассказ-очерк, который стоит где-то между исследованием и рассказом. Подобный жанр будет замечен исследователями позднее в народнической литературе.

Художественные искания Максимова шли по пути становления этнографической прозы к циклу этнографических путевых очерков («Год на Севере») и к художественно-документальному эпосу («На Востоке», «Сибирь и каторга»), где от частных явлений писатель переходит к широким социальным обобщениям. Однако уже ранние произведения Максимова свидетельствуют о новом явлении в русской литературе — появлении этнографической прозы и о принадлежности писателя к этнографическому направлению.

В дальнейшем писатель стремится к поискам новых путей очерковой типизации. Если в очерках «Лесная глушь» в поле зрения писателя находились частные судьбы, отдельные социальные типы, то в следующем цикле — «Год на Севере» — воссоздается народная жизнь целого края. Отдельные очерки складываются в картины, приобретают характер типических

обобщений социальной жизни, отражая существенные черты русской действительности. Очерки направлены на раскрытие тяжелого материального быта народа, однако в центре внимания Максимова прежде всего человек, народный характер во всех его жизненных проявлениях — в труде, материальной и духовной культуре. Это — очерки путевые, этнографические. С этнографической точностью передает Максимов материальный быт поморов, ненцев, коми. С документальной достоверностью воссоздает писатель внешний вид и интерьер поморских домов: «Сумские дома точно так же, как и все поморские, двухэтажные: у бедных в один этаж, и, в таком случае, с неизменными волоковыми окнами. Но как в том, так и в другом случае у каждого дома крытый двор, на который ведут ворота, и над каждыми воротами непременно или крест, или икона. Внутреннее расположение избы также одинаково со всеми поморскими избами и также старинное: неизбежная печь, рядом полати и грядки или воронцы. Подле печи с боку посудный шкаф — блюдник; в правом от входа переднем углу — божница; против среднего окна — стол; подпечки красятся синей и красной краской; двери и рамы также; простенки снаружи обмазываются обыкновенной охрой».

Этнографическое описание у Максимова всегда конкретно и полно передает изображаемую писателем картину. Он описывает в мельчайших подробностях избушки промысловиков, домашнюю утварь, одежду, пищу, рыболовные и охотничьи снасти. И стиль его очерков приобретает документальную конкретность. Она создается также включением в текст исторических источников, печатных и архивных. С ними вводятся в очерки сведения о поморских посадах, монастырях, городах. Они дополняются преданиями и рассказами местных жителей о Марфе Борецкой, Петре Первом, протопопе Аввакуме, о новгородском вечевом колоколе — все это свидетельствует об особом стиле его прозы.

Перед взором автора проходит история поморского края. Писатель-этнограф становится одновременно исследователем, историком и археологом. Но, прежде всего, ему была близка душа народная, народная психология, народное мировоззрение, которые он постигал своей человеческой чуткостью и талантом.

Народная психология, народные характеры раскрываются автором в трудовых сценах, в общении с рассказчиком, а также проявляются в живом бытовании народного творчества. Герой большей частью не назван, не конкретизирован. Повстречается он на пути автору, ответит на его вопросы, расскажет свою историю и исчезнет со страниц книги. Это — рыбак, извозчик, охотник, монах, лодочных дел мастер. В создании характера особую роль

играет речевая манера человека, раскрываемая в разговоре с рассказчиком. Так, например, писатель передает свой разговор с ямщиком: «Что же, у вас дорога-то тут и идет подле самой воды? — Дорога горой пошла. Да, вишь, теперь куйнога, а по ней ехать завсегда выгодней: и кони не заматываются, и твоей милости не обидно. Горой-то, мотри, всего бы обломало».

В повествование включаются и картины нелегкого крестьянского труда на моржевых промыслах. Рассказы поморов раскрывают народные характеры, острый ум, смекалку. Крестьянин-рассказчик говорит писателю: «Люблю забаву эту. Я завсегда стою с кутилом наготове, поэтому люблю забаву эту. Тут приглядка первое: весельщик умей тебя так к зверю подывести, чтобы весь он лежал перед тобой, как на блюдце, всего бы его тебе было видно. Подъехали, например… к самому зверю подъехали, вынул я его: спит, скорчившись, по-своему обычаю. Знаю, что кутилом так-то его не возьмешь: проскользнет какой хоть острый носок между морщинами. Кожа его — известная кожа: толще ее и на свете-то есть ли? Промахнуться — стыд по-моему; пусть промахивается малый ребенок, а не наш брат. Я вот на веку-то своем на руку за вторую сотню разбойных-то моржей считаю».

Не скрылось от взгляда писателя социальное и имущественное неравенство поморов. Максимов статистически точно указывает, какую часть добычи лова присваивает хозяин, характеризует жизнь кенского поморья как «крайнюю, рваную, беззащитную бедность».

В целом, в очерках «Год на Севере» воссоздается картина этнографических наблюдений быта народов севера. Автор не только описательно с точностью этнографа запечатлевает увиденное им, но и включает в текст повествования диалоги с крестьянами, проводниками, охотниками-промысловиками, приводит рассказы бывалых людей, предания, песни. Все это создает образ сурового северного края.

Пейзаж Максимова в этом цикле определен в пространстве и времени: «Влево от дороги, по всему склону горы, рассыпалась густая березовая роща, оживляющая тяжелый густой цвет хвойных деревьев, приметных только при внимательном осмотре. Роща эта сплошной, непроглядной стеной обступила зеркальное озеро, темное от густой тени, наброшенной на него, темное оттого, что ушло оно далеко вниз, разлилося под самой горой, полной и рыбы, и картинной прелести, гладкое, не возмущенное, кажется, ни одной волной. Солнце, разливавшее всюду кругом богатый свет, не проникало туда ни одним лучом, не нарушало царствовавшего там мрака». Однако не только ландшафтный

статичный пейзаж характерен для очерков. Картины промыслов и жизни местных жителей представляются на фоне природы, которая изображается в движении.

В очерке «Новоземельские моржовые промыслы» писатель передает свое впечатление от северного сияния: «Справа и слева, спереди и сзади опять залегает неоглядная снежная степь, на этот раз затененная довольно сильным мраком, который в одно мгновенье покрыл все пространство, доступное зрению, и, словно густой, темный флер, опустился на окольность. Вдруг мрак этот исчез, началось какое-то новое, сначала смутно понимаемое впечатление, потом как будто когда-то изведанное: весь снег со сторон мгновенно покрылся сильно багровым, как будто занялось пожарное зарево, кровяным светом. Но прошло каких-нибудь пять мгновений — все это слетело, снег продолжал светиться своим матово-белым светом». Картины приближающегося сияния сменяют одна другую: неоглядная снежная степь, внезапное появление багрового кровяного света, снова кромешный мрак и, наконец, чудное зрелище на темном небе.

В этом очерке, так же как и в раннем цикле «Лесная глушь», чувствуется манера письма русской классики. Типичные образы проводника — русского бывалого крестьянина, умудренного опытом нелегкой северной жизни, и взволнованного путешественника также известны русской литературе. Хладнокровно, спокойно делая свое дело — погоняя оленей — «давно уже и несколько раз повторял, между тем, проводник: — “сполох играет!”». И его ответ на огорчения и сетования путешественника, обеспокоенного тем, что темное облако заслонило сияние от его глаз, звучит по-житейски мудро и утешительно: «Я покручинился ямщику, но тот ответил успокоительно — Теперь непременно взыграет, благо начал; вот олешкам стану дух давать — гляди сколько хочешь! Вот тебе — любуйся! — прибавил он потом, и еще что-то, и много чего-то… Я уже всего этого ничего не слышал: я был прикован глазами к чудному невиданному зрелищу».

В очерке «Терский берег Белого моря» Максимов описывает шторм на море: «…Море буквально кипело котлом; высокие волны бороздили его справа, ветер свистел невыносимо, может быть, в снастях нашего карбаса, может быть, неся этот свист продолжительным эхом из дальных скал Терского берега… Ветер ходил здесь свободно, без препятствий, без остановок. Здесь он был полный и неограниченный властелин и хозяин». Пейзаж здесь не лишен психологизма. Однако он не служит для раскрытия внутреннего мира отдельных героев, как это было в цикле «Лесная глушь», хотя и оттеняет образы поморов. Он связан

с чувствами и переживаниями самого рассказчика-повествователя, оказавшегося во время бури на море. Природа является психологическим фактором, катализатором в раскрытии характера и ситуации — автор и герой. Восприятие пейзажа отражает и динамику чувств повествователя, связанных с ним. Пейзаж в этнографическом очерке придает особую эмоциональную выразительность строгому, подчас документальному повествованию. В центре внимания автора народный герой с его психологией и мировоззрением. Это собирательный образ, наделенный богатырскими силами, практическим изобретательным умом, раскрывающими в экстремальных условиях духовную и физическую сущность человека, ведущего неустанную борьбу не на жизнь, а на смерть с суровой природой. Пейзаж подчеркивает всю тяжесть смертельного, опасного промысла, каждодневную борьбу с морем и в то же время находчивость, смелость, мужество крестьян-поморов. Речь поморов образна, наполнена пословицами и поговорками, связанными с их трудом: «С моря жди горя, а от воды — беды», «Дальше моря — меньше горя», «Не ты смерть ждешь, а она сторожит».

Вообще фольклор в очерках передается в целостном процессе народной жизни. В текст включаются многочисленные народные приметы, поверья, песни, местные предания, свадебные обряды, обряд проводов поморов на летние промыслы и встреча их осенью на берегу. «Год на Севере» признан в современном литературоведении своеобразной антологией различных жанров народного поэтического творчества. «Год на Севере» — это целостное художественно-этнографическое исследование в жанре путевого очерка. Специфика изображения героя, пейзажа, отсутствие событийного сюжета являются характерными признаками его художественно-изобразительной системы. В отличие от цикла очерков «Лесная глушь», где рассказчик нивелируется в повествовании, здесь особо выделяется его роль. Он не только свидетель, слушатель, наблюдатель, но и действующее лицо, герой повествования. С его образом, так же как и с введением в текст народной поэзии, входит в очерк лирическое начало. В цикле очерков и рассказов Максимов создал типы крестьянских характеров, близких к известным в современной ему литературе. В их изображении писатель идет вслед за Гоголем, типизируя героя как выразителя лучших духовных качеств народа. Его герои соприкасаются и с типами крестьян Тургенева, однако в их разработку Максимов вносит новые черты. Писатель создает тип крестьянского характера в строгом соответствии с внутренним складом народной жизни.

Автор привлекает внимание читателя к образу мужественного, талантливого крестьянина-помора. Максимов подмечает и особый тип крепостного мужика-отходника, смышленого, бойкого, предприимчивого крестьянина- мудреца и философа, устремляющегося на заработки в различные губернии и в то же время испытывающего тягу к земле, которая зовет пахаря-хлебороба, являясь основой его жизни, корнем его существования. Максимов также улавливает и особую черту русского крестьянства — стремление к странничеству как явление правдоискательства. Все эти характерные общие тенденции в изображении русского крестьянства присущи и И.С. Тургеневу, Н.С. Лескову, Г.И. Успенскому, народнической литературе. Сам дух правдоискательства, по мнению Максимова, прочно укрепился в психологии мужика.

Проза Максимова развивалась в русле очеркистики 1860-х годов, которая выходила за пределы частных вопросов народной жизни и отражала народное бытие крестьянства России. Салтыков-Щедрин отмечал, что «драгоценнейшее свойство г. Максимова заключается в его близком знакомстве с народом, его материальною, духовною обстановкою. В этом смысле рассказы его должны быть настольной книгой для всех исследователей русской народности, наравне с трудами Даля, Мельникова, Якушкина и других». Книги Максимова повлияли на развитие русской литературы. Они стали источниками произведений писателей того времени. Так, его книга «Сибирь и каторга», написанная по материалам изучения русской каторги, послужила одним из источников для Н.А. Некрасова в период работы над поэмой «Дедушка». Не исключено, что народные легенды о «вольных землях», отразившиеся в рассказе Некрасова о Тарбагатае, появились отчасти под влиянием книги Максимова, в которой приводились широко бытовавшие в среде сибирского крестьянства рассказы о вольных поселениях, затерянных в лесах, о счастливой артельной жизни их обитателей. Документальный материал книги Максимова использует Некрасов и в другой поэме — «Княгиня Трубецкая». Поэт отталкивается от документальной основы, описывая путь жен декабристов в Сибирь. Перекликаются творческие пути Максимова, его представления о русском народе в книге «Бродячая Русь Христа Ради» с поэмой Некрасова «Кому на Руси жить хорошо». Некрасов, как и Максимов, выразил понимание коренных основных черт русского характера — стремление к поискам счастливых мест обитания. Многие образы и мотивы «Истории одного города» М.Е. Салтыкова- Щедрина восходят к «Сибири и каторге» Максимова.

В поисках корней нравственных истоков Максимов обратился

к духовной культуре народа, выразившей черты Руси, обладающие огромным этическим и эстетическим потенциалом, и нашел в ней преломление духовных стремлений нации, выражение национальной идеи и национального характера. Максимов оставил заметный след в истории отечественной культуры, внес заметный вклад в русское народознание. Под его влиянием возникла целая школа, способствующая сохранению русской национальной культуры, богатству русской народной речи.

Максимов исследовал новые, еще не освоенные литературой его времени явления действительности, обратившись к глубокому изучению народной жизни во всех ее проявлениях. Его произведения были вынесены из самой народной глубины, из непосредственного общения с русским крестьянином. Он был писателем особого склада личности, вобравшей в себя в общении с народом лучшие стороны национального характера.

Произведения Максимова возвращают читателя в наше время к народной культуре как истоку нравственных и эстетических ценностей, побуждают сравнивать прошлое и настоящее, сохранять верность традициям.

Вопросы и задания

1. Познакомьтесь с библиографической справкой о Максимове. Как характеризует Максимова как писателя его участие в общественной литературной жизни его времени? Чем близок он писателям-беллетристам 60-х годов — Слепцову, Решетникову, Левитову?

2. Покажите, как связано творчество Максимова с народной культурой. Приведите примеры.

3. Расскажите о книгах — памятниках народной культуры (например «Крылатые слова»). Как передает Максимов в ней истоки народной речи? Каковы картины народного быта, отраженные писателем в книге?

4. Охарактеризуйте книгу «Куль хлеба и его похождения». Что пишет писатель о хлебе? Какую роль он играет в жизни крестьянина?

5. Почему книга Максимова «Нечистая, неведомая, крестная сила» тоже является своеобразным памятником народной культуры?

6. Перечитайте и перескажите яркое красочное описание крестьянских годовых праздников, о которых рассказывает писатель в ней.

7. Расскажите о корнях и истоках контактов Максимова с народной культурой.

8. Расскажите о цикле очерков и рассказов «Лесная глушь».

9. Каково художественное своеобразие очерка «Крестьянские посиделки в Костромской губернии»? Как построен очерк? Каковы действующие лица?

10. Назовите фольклорные элементы в очерке.

11. Как проявляются в них мотивы творчества Гоголя? Приведите примеры.

12. Приведите примеры календаря крестьянской трудовой деятельности из очерка «Булыня».

13. Какими рисует Максимов самобытные народные характеры? Покажите это на примерах.

14. Почему Максимова можно назвать писателем-первопроходцем, писателем особого склада личности? Кому из писателей его времени он проложил дорогу к изучению и изображению в литературе народной жизни?

15. Почему М.Е. Салтыков-Щедрин считал, что его книги могут быть настольными для изучающих русскую народность?

16. Как соотносятся произведения Максимова с произведениями Некрасова, Салтыкова-Щедрина?

17. Что общего в изображении народной жизни у Максимова и в поэме Некрасова «Кому на Руси жить хорошо»?

18. Чем близки герои-правдоискатели Некрасова героям Максимова?

19. Кого из писателей конца XIX—начала XX веков можно считать представителями школы, возникшей под влиянием творчества Максимова?

20. Какое произведение является определяющим в творчестве писателя? Раскройте его содержание.

Максимов, Сергей Васильевич [2]

Сергей Васильевич Максимов (25 сентября 1831—3 июня 1901) — этнограф-беллетрист, почетный академик Петербургской АН (1900).

Биография

Родился в 1831 г. в семье уездного почтмейстера в Кологривском уезде Костромской губернии, в посаде Парфентьеве, где и получил первоначальное образование в посадском народном училище. Братья — писатель Николай Васильевич и хирург Василий Васильевич.

Впоследствии был в Московском университете и в Санкт-Петербургской медико-хирургической академии.

Первые литературные опыты Максимова Сергея Васильевича (с 1853 г., преимущественно в «Библиотеке для чтения») посвящены очеркам из народного быта. Ободренный Тургеневым, Максимов Сергей Васильевич в 1855 г. предпринимает литературно-этнографическую экскурсию — пешеходное странствование по Владимирской губернии, посещает затем Нижний, Вятскую губ. и таким образом первый делает опыт прямого изучения народного быта, результаты которого изложены им в очерках «Крестьянские посиделки Костромской губернии», «Извощики», «Швецы» (то есть портные), «Сергач» (вожак медведя), «Вотяки», «Нижегородская ярмарка», «Соцкой», «Булыня» (скупщик льна), «Маляр», «Кулачок», «Повитуха», «Колдун» и др., впоследствии вошедших в книгу «Лесная глушь» (СПб., т. 1–2, 1871).

Когда по мысли вел. кн. Константина Николаевича морским ведомством был организован целый ряд этнографических экспедиций в различные края России (1855), Максимову С. В. достался Север; он отправился к Белому морю, добрался до Ледовитого океана и Печоры и напечатал ряд статей в «Морском сборнике», «Библиотеке для чтения» и «Сыне Отечества», составивших затем книгу «Год на Севере» (1859, СПб.; 3 изд., 1871).

Морское ведомство поручило Максимову отправиться на Дальний Восток для исследования только что приобретенной Амурской обл. Путешествие это было предметом нового ряда статей в «Морском сборнике» и «Отечественных записках», вошедших в книгу: «На Восток, поездка на Амур в 1860–1861 гг.

Дорожные заметки и воспоминания». (СПб., 1864; 2 изд., 1871).

На обратном пути в Россию Максимову было поручено обозрение сибирских тюрем и быта ссыльных, но это исследование к опубликованию не было разрешено, а было издано морским ведомством «секретно», под заглавием «Тюрьмы и ссыльные».

Позже в «Вестнике Европы» и «Отечественных записках» появились отдельные статьи Максимова по этому предмету, а затем и книга «Сибирь и каторга» (СПб., т. 1–3, 1871).

В 1862–1863 гг. Максимов посетил юго-восток России, прибрежья Каспийского моря и Урала. Из статей, вызванных этой поездкой, в «Морском сборнике» появились две — «Из Уральска» и «С дороги на Урал», а остальные, касающиеся раскола («Иргизские старцы», «Ленкорань», «Секта общих», «Молокане», «Духоборцы», «Прыгуны», «Скопцы», «Хлысты», «Субботники», «Божий промысел» и др.), напечатаны в «Деле», «Отечественных записках», «Семье и школе».

Еще ранее из статей Максимов, напечатанных в «Иллюстрации» и «Сыне Отечества», составилась книжка «Рассказы из истории старообрядцев» (СПб., 1861).

По приглашению издательского товарищества «Общ. польза» для «Досуга и дела» Погосского и для Комиссии по устройству народных чтений Максимов Сергей Васильевич редактировал и сам составил до 18 книжек для народа: «О русской земле», «О русских людях», «Мерзлая пустыня», «Дремучие леса», «Русские степи и горы», «Крестьянский быт прежде и теперь», «Соловецкий м-рь» и др.

Командированный (1868) Императорским географическим обществом в Сев. — Зап. край, Максимов Сергей Васильевич объездил губ. Смоленскую, Могилевскую, Витебскую, Виленскую, Гродненскую, Минскую и свои наблюдения напечатал в книге «Бродячая Русь Христа-ради» (СПб., 1877).

Несобранными остается еще много статей Максимова о различных сторонах народного быта в разных местностях России: о казаках на Дону, на Урале, в Черноморье, о русских инородцах в Сибири, в Белоруссии, о народных праздниках и пр., рассеянных в «Живописной России» Вольфа (перевед. на нем. яз. в журнале «Natur»), «Задушевном слове», «Нови» («Наше двоеверие»), «Сельском вестнике», «Новостях» и др. изданиях.

Большой интерес представляют объяснения различных слов и оборотов живой обиходной русской речи, первоначальный смысл которых для большинства совершенно затерян; они вошли в книгу «Крылатые слова» (СПб., 1890).

«Куль хлеба и его похождения»[1](СПб., 1873) выдержал 4

издания.

Подробности об экспедиции морского ведомства Максимова напечатаны в «Русской мысли» (1890, февраль), под заглавием «Литературная экспедиция».

См. А. Пыпин, «История русской этнографии» (т. II, стр. 55–60 и 70–73).

Максимов выпустил более 20 брошюр по этнографии для народного чтения.

Похоронен в Петербурге на Литераторских мостках. [2]

Библиография

Максимов С. В. Год на Севере: В 2 т. Т. 1. Белое море и его Прибрежья. — СПб.: Изд. книгопродавца Д. Е. Кожанчикова, 1859. — 638, IV с.; 21 см.

Максимов С. В. Год на Севере: В 2 т. Т. 2: Поездка по северным рекам. — СПб.: Изд. книгопродавца Д. Е. Кожанчикова, 1859. – 514, IV с.; 20 см.

Максимов С. В. Год на Севере. Ч.1. Белое море и его Прибрежья. – 2-е изд., испр. и доп. — СПб.: Тип. Т-ва «Общественная польза», 1864. – 608 с; 22 см.

Максимов С. В. Год на Севере. – 3-е изд., доп. — СПб.: Тип. А.Траншеля, 1871. – 690 с; 22 см.

Максимов С. В. Год на Севере: В 2 ч. Ч. 1. Белое море и его Прибрежья. – 4-е изд., доп. — М.: Изд. П. И. Прянишникова, 1890. – 698 с.: ил.; 25 см.

Максимов С. В. Собрание сочинений: В 20 т. Т.20. Крестьянский быт. Первобытный лес. Города Озерной области и др./ С портр. авт. и вступит. очерком его жизни и лит. деятельности П. В. Быкова. — СПб.: Книгоиздат. Т-во «Просвещение», 1896. – 384 с; 18 см — (Всемирная б-ка). - Библиогр. указ. сочинений С. В. Максимова/ Сост. А. Г. Фомин. — С. 363–378; Алфавит. указ. статей, вошедших в Собр. соч. С. В. Максимова. — С. 379–384.

Максимов С. В. Крылатые слова: По толкованию С. Максимова / [Послесл. и примеч. Н. С. Ашукина]. — М.: Гослитиздат, 1955. — 448 с.

Русская литература: Ученые записки. N 339. / ЛГУ. Филолог. фак.; Отв. ред. проф. И. Г. Ямпольский. — Л.: ЛГУ, 1968. — 230 с — (Серия филолог. наук. Вып.72).

Максимов С. В. По Русской земле / Сост., подгот. текстов, вступ. ст. С. Н. Плеханова; Коммент. С. Н. Плеханова, Ю. В. Лебедева. — М.: Сов. Россия, 1989. — 526 с — ISBN 5268001884.

Максимов С. В. Нечистая, неведомая и крестная сила / Максимов С. В. — М.: Терра: Кн. лавка — РТР, 1996. — 272 с — (Рус. дом). — ISBN 5300007978: 20300.00.

Сергей Васильевич МАКСИМОВ (псевдоним — С.В. ПРОЕЗЖИЙ) (7.10(25.09).1831, посад Парфентьев Кологривского у. Костромской губ. — 16(3).06.1901, Петербург)

Почетный академик, очеркист-этнограф. Отец М., почтмейстер, дружил с ссыльным П. А. Катениным. М. учился в Посадском народном училище и Костромской гимназии, где был одним из лучших учеников. В 1850 г. М. поступил в Московский университет. В Москве состоялись первые литературные знакомства. А. Н. Майков указывал на сильное нравственное влияние А. Ф. Писемского: «…его трезвый взгляд на жизнь и искусство сильно действовали на Вас, еще юношу. Он, кажется, первый и указал Вам на изучение жизни русского народа, найдя в Вас и нужную для того подготовку, меткий взгляд и разумную наблюдательность» (Максимове. В. Год на Севере. — Архангельск, 1984.—С. 9). В 1852 г., переехав в Петербург, поступил в медико-хирургическую академию (не окончил, учился до 1855 г.). В начале 50 гг. М. вошел в кружок «молодой редакции» журнала «Москвитянин», где особенно сблизился с А. Н. Островским. Их сближал огромный интерес к живому, меткому народному слову, неподдельная страсть к народной поэзии. Впоследствии, когда Островский порвал с «Москвитянином», а Максимов переехал из Москвы в Петербург, их дружеские отношения не прекратились. Живя в Петербурге, М. участвовал в издании сочинений А. Н. Островского, бывал в Щелыкове. Его воспоминания об А. Н. Островском (впервые опубл. в журнале «Русская мысль» (1897. — № 1, 3, 5; 1898.— № 1, 4); при подготовке издания «Драматические сочинения А. Н. Островского, Н. Я. Соловьева, П. М. Невежина (Спб., 1909. — Т. 1) они были переработаны и дополнены; опубл. также в книге «А. Н. Островский в воспоминаниях современников». — М., 1966) — редкий материал, художественно воссоздающий наименее известный период жизни драматурга, его окружение. Легкий слог, поэтичность делают мемуары поистине ценным документом. При создании воспоминаний М. пользовался рукописями И. Ф. Горбунова (впоследствии опубликованы) и материалами Н. Барсукова (вошедшими в XI том книги «Жизнь и труды М. П. Погодина» — пб., 1897).

Начал печататься в Петербурге. В 1852 г. М. познакомился с А. В. Старчевским, издававшим «Справочный энциклопедический словарь», для которого М. получил заказ на ряд статей; среди них — заметка о В. И. Дале. Успешный литературный дебют М. — очерк «Крестьянские посиделки в Костромской губернии» — открыл серию произведений, посвященных народному быту Верхнего Поволжья и привлек внимание публики, писателей «натуральной школы» (высоко оценен И. С. Тургеневым; см. его отзыв об очерке «Сергач». — Поли. собр. соч. — Т. 25. — С. 217). Тургенев отмечал верность и меткость наблюдений, высокую художественность изложения, напутствовал его «хождения в народ». Очерки о пешем путешествии М. в 1855 г. по Владимирской, Вятской, Нижегородской губ. (побывал на Макарьевской ярмарке). Среднему Поволжью, явившиеся первым опытом изучения народной жизни, составили книгу «Лесная глушь» (Т. 1–2. — Спб., 1871), этнографические зарисовки которой — небольшие рассказы о незаметных людских судьбах — складываются в самобытное повествование о жизни целой России. «…Его книга должна быть настольной книгой для всех исследователей русской народности, наравне с трудами Даля, Мельникова, Якушкина и др.» (Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч.: В 20 т. — М., 1970. — Т. 9. — С. 436–440). Очерки обеспечили М. репутацию, позволившую ему участвовать в «литературной экспедиции» в 1856 г. — командировке Морского министерства для описания жизни народов в районах Белого моря. Ледовитого океана, Печоры. После того как большинство приглашенных литераторов выбрали все «благоприятные по климатическим условиям и по густоте и разнообразию населения местности, оставались свободными лишь негостеприимные, суровые и холодные страны севера» (Максимов С. В. Литературные путешествия. — М., 1986). Материалы поездки легли в основу книги «Год на Севере» (Спб., 1859). Глубокое понимание русской жизни и природы — вот главное, в чем «заключался секрет его силы и той поразительной верности, с какой он описывал быт русского крестьянина и простую… речь… русского человека», — писал Н. В. Шелгунов о книге (Русское слово. — 1866.— Февраль. — С. 13). Это одна из крупнейших работ по этнографии Севера России в XIX в. Ей присуждена Малая золотая медаль Русского географического общества. Тем не менее «Год на Севере»—не этнографический дневник. За конкретными описаниями нравов и обычаев отчетливо проступает сквозная авторская мысль о высоком значении свободы личности, о ее влиянии на духовный строй народа. Сочинение М. открыло тему Севера в русской литературе, в нем самобытно запечатлен

драматический процесс превращения России из полупатриархального государства в современную, промышленную державу. Теме Русского Севера М. был верен всю жизнь. В 1865—

1866 гг. в книгоиздательстве «Общественная польза» вышло более десяти его книг «для народа», внутренне связанных с впечатлениями «литературной экспедиции»: «Голод и зимовка на Новой Земле», «Ледяное царство и мертвая земля», «Край крещеного света» и др. — подробно разработанные сюжеты и картины, наброски которых читатель находил в книге «Год на Севере», увлекающие живыми, наглядными подробностями, описанием собственного опыта существования в суровом краю. 60 гг. — время интенсивной литературной деятельности М. Он сближается с редакцией журнала «Искра», с В. С. и Н. С. Курочкиными, Д. Д. Минаевым. После каждой поездки (на Амур в 1860–1861 гг., на р. Урал и Каспий в 1862–1863 гг., по Смоленщине и Белоруссии в 1867–1868 гг.) М. помещал в газетах и журналах художественные отчеты об увиденном, а затем составлял сборники очерков, объединенных общей идеей. Его очерки «Ссыльные и тюрьмы» (Спб., 1862), отпечатанные с грифом «секретно» в издательстве министерства внутренних дел в 1869 г., вошли впоследствии в книгу «Сибирь и каторга» (Спб., 1871). В них собран обширный материал по этнографии, истории и статистике тюремной жизни России. Известные М. Е. Салтыкову-Щедрину, они стали одним из литературных источников его рассказа «Испорченные дети» (1869). Л. И. Толстой из книги «Сибирь и каторга» заимствовал сюжет для рассказа «За что?»; А. П. Чехов обращался к очеркам, готовясь к поездке на Сахалин; Н. А. Некрасов изучал материалы М. при работе над поэмами «Кому на Руси жить хорошо» н «Русские женщины». Ту же тему продолжают сборники «На Востоке» (1864), «Рассказы из жизни старообрядцев» (Спб., 1865). Описанию странствующего люда в России посвящена книга М. «Бродячая Русь Христа ради» (Спб., 1877); земледельческое хозяйство и торговля изображены в книге «Куль хлеба и его похождения» (Спб., 1873; Л., 1987).

Знаток простонародной речи, истории русского языка и старинной письменности, М. увлекся объяснением малопонятных ходячих выражений и в 80 гг. в «Новостях», «Новом времени», «Осколках» опубликовал заметки-истолкования речений, из которых родилась книга «Крылатые слова» (Спб., 1890; последнее изд. — М., 1955). Это первое исследование идиом русского языка, содержащее богатый этнографический материал. В течение 30 лет (с 70 гг.) М. — бессменный редактор «Ведомостей Спб. градоначальной и городской полиции». В 1900 г. он избран

почетным членом Российской Академии наук по отделению русского языка и словесности. В конце жизни М. говорил о себе: «Я в самом деле странствовал долго, забирался далеко, видел много и написал много. В деревню я унес свою любознательность, изучал беспомощную нищету, ласковую и любившую меня с малых лет» (см.: Касторский В. Писатели-костромичи. — Кострома, 1958. — С. 83–98).

Соч: Максимов С. В. Собр. соч. Т. 1–6, 8—20. / Вступ. ст. П. В. Быкова. — 4-е изд. — Спб., 1908–1913; Письма Максимова — Д. И. Завалишнну // Щукинский сб. — М., 1912. — Вып. 10; Письма Максимова — А. Н. Островскому. Неизданные письма к А. Н. Островскому.—М.; Л., 1932; Письма Максимова — А. ф. Писемскому // А. Ф. Писемский. Письма — М Л, 1936; Булыня. Побирушки и погорельцы // Русский очерк. — М., 1986. — Т. 1. — С. 387–416; Воспоминания об И. Ф. Горбунове // Максимов С. В. Литературные путешествия / Сост., вступ. ст. и коммент. Ю. В. Лебедева. — М… 1986; Максимов С. В. Куль хлеба. Рассказы и очерки /

Сост вступ ст. и примеч. А. Н. Мартыновой. — Л., 1987; Соч.: В 2 т. — М., 1987.

Лит.: Скабичевский А. М. История новейшей русской литературы, 1903. — С. 222.

Е.Н. Пенская

[71, Т.2]

М.И. Щербакова — В.И. ДАЛЬ И С.В. МАКСИМОВ [3]

Первая энциклопедическая статья о В.И. Дале появилась в 1855 г. в «Справочном словаре» А.В. Старчевского. Ее составителем был молодой, моложе Даля ровно на тридцать лет, литератор С.В. Максимов.

В истории русской этнографической прозы имена Даля и Максимова ключевые. В.Г. Белинский писал, что Даль «создал себе особенный род поэзии, в котором у него нет соперников». А творчество Максимова явилось, по словам современника, примером того, как «вынести из моря народной жизни знания, без которых наша забота об этом народе всегда есть и будет делом мертворожденным» (Р. Сементковский).

Имя С.В. Максимова было почти забыто, хотя в 1980-е гг. усилиями Ю.В. Лебедева, А.Н. Мартыновой, С.Н. Плеханова отечественные читатели получили несколько переизданий его книг. А несколько раньше — в 1955 г. Н.С. Ашукин подготовил книгу С.В. Максимова «Крылатые слова».

Между тем алфавитный указатель статей, вошедших в 1908–1914 гг. в 20-титомное собрание сочинений писателя, насчитывает 552 названия; но и это далеко не все литературное наследие. Популярность С.В. Максимова при жизни была прочной и стабильной. В отечественной периодике — 37 журналах и газетах — вышло 342 его публикации, в русских издательствах — 84 отдельных издания и переиздания книг, в том числе: «Год на Севере», «Лесная глушь», «На Востоке», «Край крещеного света», «Сибирь и каторга», «Куль хлеба и его похождения», «Бродячая Русь Христа-ради», «Крылатые слова», «Нечистая сила».

Знакомство С.В. Максимова с В.И. Далем состоялось летом 1855 г., когда по поручению А.В. Старчевского молодой автор прибыл в Нижний Новгород, чтобы написать биографический очерк о В.И. Дале. Встреча была промыслительной. Как покажут последующие десятилетия, Максимов оказался преемником и последователем Даля, не только воспринял в его этнографической прозе «живую, внутреннюю верность действительности», но сумел значительно расширить тематический и жанровый диапазон бытописательного направления русской литературы, создать на основе очерков быта широкие полотна народной жизни центральных и окраинных губерний России, русского странничества, сибирской каторги.

Четвертый том «Справочного словаря», для которого

заказывалась статья, быстро готовился к изданию. А работу Максимова так некстати задерживала служебная командировка Даля по губернии. Но все-таки материал был написан и успел попасть в Словарь, правда не в основной корпус, а в Прибавление.

Справочный характер материала и лаконичная форма его изложения подчеркивают и проясняют истоки далевских параллелей, развившихся позже в прозе Максимова. В статье перечислены очерки физиологические, этнографические, исторического содержания, притчи, циклы статей «Поверья, суеверья и предрассудки русского народа», «Картины из русского быта», сборник «Были и небылицы», «Русский словарь», составленный в 1846 г. из объяснения 86 слов из простонародного языка, статьи.

Названные Максимовым публикации Даля очень близки жанрово-тематическим доминантам его собственной прозы: изображение русской провинциальной жизни, народные промыслы и ремесла, крестьянская община и ее роль в традиционной национальной культуре, православная вера, старообрядчество и религиозные секты, народные поверья, предания, обряды и обычаи, народно-учебная литература и книги для детского чтения.

Поездка в Нижний оказалась определяющей для Максимова. Это был период, когда, по словам Даля, «пришла пора подорожить народным языком».[4] Максимов только начинал свое писательское поприще как автор нескольких очерков из крестьянского быта, напечатанных в «Библиотеке для чтения»: «Извозчики», «Швецы», «Маляр, «Сергач», «Дружка», «Сысоев», «Булыня». Командировка стала первым из шести его путешествий по России, длившихся в общей сложности четырнадцать лет. В преклонном возрасте этнограф с полным правом подписывался: «Усталый путник, старый бродяга С. Максимов».

Помимо встречи с Далем, Максимову было поручено ознакомиться с условиями книжной торговли на Нижегородской ярмарке. Не без влияния собирательской деятельности знаменитого лексикографа, Максимов, уже по пути в Нижний, стал присматриваться к офеням-книгоношам в их родных местах Владимирской губернии. А для успешного сбора материала, по примеру П.И. Якушкина, выбрал подходящий костюм — представился семинаристом, отыскивающим место учителя.

О первых неделях этого путешествия, встречах с офенями, о возникшем у них подозрении и вынужденном бегстве Максимов написал во «Введении» к книге «На Востоке», не назвав при этом места сбора редчайшего материала: им было записано более тысячи офенских слов и их значений! И только изучение

творческой истории текста дало возможность, спустя почти полтора века, помимо точной даты — июнь 1855 г., назвать и место: село Ландех Владимирской губернии. Эти сведения сохранились в первой журнальной публикации отрывка — в «Отечественных записках» (1860, кн. VIII).

Позже Максимов вспоминал о трудностях первых опытов полевой работы этнографа. «Позади — ничтожная практика, сложившаяся из цепи случайностей, когда смотрелось на дело с точки зрения фланера, дилетанта и никак не работника, обязанного известным делом и непреложным обетом. Впереди — темное дело с темным успехом, даже с вероятностью неудачного исхода, тем более что опять-таки позади ни одного примера, никакой школы и поучения».[5] Максимову помогали его общительность, артистизм, бойкий язык, чувство народного юмора, интуиция этнографа и художественная одаренность.

Когда он близко познакомился с работой Даля и его собирательскими приемами, работа с лингвистическим материалом продолжилась параллельно с писательским трудом. Так, во время четвертой, самой дальней экспедиции через Сибирь на Дальний Восток Максимов сформировал основу будущего «Тюремного словаря и искусственных байковых, ламанских и кантюжных языков». Эти наблюдения в виде отдельного очерка вошли в приложение к четвертому, посмертному изданию книги «Сибирь и каторга». Писателя интересовал не столько лингвистический, сколько культурно-исторический аспект возникновения, бытования и развития искусственно созданных слов профессиональной среды.

В 1890 г. Максимов издал книгу «Крылатые слова. Не спроста и не спуста слово молвится и до веку не сломится. По толкованию С. Максимова». Две сотни рубрик вместили трактовку и авторское объяснение пятисот «крылатых слов», утвердившихся в русской речи на правах емких образов: грех пополам, задний ум, курам на смех, лясы точат, подкузьмить и объегорить, попасть впросак и многие другие.

Возвратимся в 1855 г. Вместе с биографией Даля А.В. Старчевский получил от Максимова в октябрьскую книжку «Библиотеки для чтения» очерк «Нижегородская ярмарка». Творческая история этого текста приоткрывает любопытные подробности, в частности — о том, что Максимов взял за основу, скалькировал статью Даля «О наречиях русского языка. По поводу опыта областного великорусского словаря, изданного Вторым отделением Императорской Академии наук», напечатанную в 1852 г. в пятой книжке «Вестника Императорского Русского Географического общества», преобразовав ее научно-

фактографический материал в блистательную жанровую зарисовку, этнографическую картинку звучащей ярмарки.

В 1871 г., за год до смерти Даля, Максимов выпустил книгу «Лесная глушь», объединившую его ранние очерки, в том числе и «Нижегородскую ярмарку». Спустя семнадцать лет после их создания, тексты были переработаны с учетом циклизации очерков. Так, в «Нижегородской ярмарке» Максимов отказался от фрагмента, начинавшегося словами: «Прислушайтесь к говору, и вас поразит его разнохарактерность…». Именно этот отрывок вырос из материалов далевской статьи и, видимо, по этой причине был отвергнут уже зрелым писателем. Начинает Максимов с наблюдений общего характера, передающих основные черты восточного, нижнерусского, низкого наречия, «низового выговора, свысока, с особым выкриком на середине речи».[6] «Вятский, — пишет Максимов, — с особенною любовью, но особенно неприятно для слуха растянет этот конец и в начале приударит на о не хуже костромича другого, изменив, при случае пошел — в пошоу и купил — в купиу».[7] В статье Даля характеристика наречия выглядит так: «В вятской губернии находим говор самый грубый, именно, как говорится, мужичий; нигде не услышишь таких грубых и резких ште, що, толды, колды, завсялды; язык ворочается вяло и тяжело, говор тягучий, иногда с пригнуской… К Вятке слышно пошоу, нашоу — у вместо л».[8]

Совпадают примеры особенностей говора Костромской губернии. У Даля: «Костромская губерния еще более приближается к наречию новгородскому: с нам, с вам, к нами и к вами…»;[9] у Максимова: «Костромич просит к нами и хвастает пирогом с грибам».[10]

Вскользь упомянутый в очерке Максимова загадочный «лукояновский ягун» находит объяснение в статье Даля: «Один из трех говоров Нижегородской губернии — яготский, лукояновский, где жителей зовут ягунами (от яго, яму)».[11]

Одинаковыми примерами охарактеризована речь владимирца, «для которого, — по словам Максимова, — не писан закон сказать вместо тебя — тея, вместо Андрей — Ондрей, и вместо Степан — Стеопан».[12] У Даля: «В Горбатовском и Нижегородском уездах, а также по симбирскому и казанскому пути в Васильском и Княгининском, говор довольно чистый владимирский: чово, Ондрей, … тея, разе…».[13]

Близки по смыслу характеристики ростовцев. Даль пишет: «Любимое их выражение: родимый, часто изобличает их на чужбине, особенно ростовцев, даже прозванных родимыми. Их дразнят присловьем: у нас-ти в Ростове чесноку-ти, луку-ти, а навоз все коневий!».[14] У Максимова: «Здесь на мосту вы

решительно можете прислушаться ко всем наречиям и встретить их представителя: тут и родимый ростовец, который давно живет здесь пообыку, где-нибудь на огороде, и до сих пор еще любит окнуть».[15]

«Частобай тверяк, который подчас дзекнет не хуже своих соседей — псковичей и новгородцев»[16] в очерк Максимова тоже попал как вариация научных наблюдений Даля. О Зубцове Даль пишет, что там «следы новгородского наречия еще более исчезают, и смешивается рязанское со смоленским», и приводит пример, как дразнят зубчан, частично включенный Максимовым в очерк: «Ты кто, молодеч? Зубчовский купеч. А где был? В Москве по миру ходил!».[17]

Из статей Даля в очерк С.В.Максимова попали характерные насмешки над бежечанами: «Насшей рици цисце в свиту ниту!», над калужанами: «Щагол щаглуя на асинавым дубу, да как васкагуркне!», над орловцами: «У нас в Ельце, на Сасне реце, курица вутенка вывела». У Даля полнее сведения об упомянутых Максимовым «белотельцах» ярославцах, «которые пуд мыла извели, а с сестры родимого пятна не смыли».

Примером включения научного лингвистического материала в расширенный и художественно оформленный контекст является в очерке Максимова диалог романовца, продавца полушубков, и его земляка. Ключевые реплики заимствованы Максимовым также из статьи Даля: «Первые слова речи скороговоркой, последние протяжно, иное нараспев: Эй, малой, глянь-ко, вить-от наши! Кое? Вон-ин за логом митусятца! И то кабыть наши!».

Речевому народному этикету Максимов посвятил в 1880-е гг. цикл очерков, адресованных детям и простонародному читателю: «Русский человек в гостях», «Русский человек в дороге», «На привет — ответ», «Не мудрен привет, а сердце покоряет», «Бог на-помочь», «Знать сову по полету. В защиту родной речи и родных обычаев». «Очень часто, — писал он, — по одному выпущенному слову видно, из какого гнезда вылетела птица, и знать сокола не только по целому полету, но и по одному перу». В числе примеров оказался и случай, когда Даль угадал родину плотника по характерному новгородскому «склезко».

Литературными источниками прозы Максимова являются и некоторые другие страницы Даля.

Трилогия Максимова «Нечистая, неведомая и крестная сила» — одна из основных справочных книг в современной этнографии и фольклористике. Работа над ней тоже велась с учетом и ориентацией на материал, собранный Далем. Так, в ее первой части, посвященной русской демонологии, Максимов к сорока с лишком именам черта, насчитанным Далем в Словаре, прибавил

изрядное количество имен нечистой силы, «которые вращаются в живом народном языке, но еще не подслушаны и не уловлены». [18]

И, наконец, эпизод — когда Даль и Максимов совместно потрудились для создания рассказа Льва Толстого «За что?». В 1846 г. в составе своеобразной повести Даля «Небывалое в былом и былое в небывалом» вышел рассказ «Ссыльный» о несостоявшемся отчаянном побеге ссыльных поляков Альбины и Винцентия Мигурских. Даль первым ввел этот сюжет и этих персонажей в русскую художественную прозу. Вслед за ним, готовя обширную главу «Ссыльные поляки» для третьего тома книги «Сибирь и каторга», сюжет использовал Максимов, обратившись также и к польским мемуарам А. Гиллера, Р. Пиотровского, Э. Фелиньской. Текст Максимова содержит больше художественных деталей, в нем заметнее психологизм характеров и ситуаций. И это объяснимо. Между рассказом Даля и повествованием Максимова — более трех десятилетий, когда русская литература интенсивно развивалась. Случилось так, что в января 1906 г. не рассказ Даля, а книга Максимова оказалась в руках Л.Н. Толстого и произвела на него сильное впечатление.

Заимствуя сюжет, Толстой сохранил имя героини, эпизод выдачи беглецов казаками, место происшествия — Уральск и Саратовская губерния; из книги Максимова перешли в рассказ Толстого описания возмущения ссыльных поляков в Сибири под руководством Сироцинского, подробности казни Шокальского: размер тонких палок для битья прогоняемых сквозь строй — «чтобы три только входили в дуло ружья», чтение Шокальским молитвы.

Творческий метод Максимова, как и неповторимость этнографической прозы Даля проявились в справочно-энциклопедическом характере. Особенность литературного наследия писателей в том, что их книги, оставаясь явлением литературы, в полной мере принадлежат науке. Но науке, о которой И.А. Ильин писал как о «творческой свободе в исследовании»: «Русский ученый по всему складу своему призван быть не ремесленником и не бухгалтером явлений, а художником в исследовании; ответственным импровизатором, свободным пионером познания. Отнюдь не впадая в комическую претенциозность или в дилетантскую развязность самоучек, русский ученый должен встать на свои ноги. Его наука должна стать наукой творческого созерцания — не в отмену логике, а в наполнение ее живою предметностью; не в попрание факта и закона, а в узрение целостного предмета, скрытого за ними». [19]

notes

Примечания

1

Отрывок из книги "Знамение времени. Проза XIX века"
© Издательство "Лицей"

2

Материал из Википедии — свободной энциклопедии

3

Щербакова М.И. В.И.Даль и С.В.Максимов // Филология в системе современного университетского образования. Вып. 5. М., 2002. С. 132–137.

Даль В.И. Толковый словарь… Т. I. М., 1956. С. XIII.

5

Максимов С.В. Собр. соч.: В 20 т. СПб., 1908–1914. Т. 11. С. 5.

Библиотека для чтения. 1855. Т. 133, кн. X. Отд. I. С. 133.

7

Там же.

Даль В.И. Толковый словарь… Указ. соч. Т. I. С. LVII.

9

Там же. С. LVIII.

10

Библиотека для чтения. Указ. соч. С. 133.

11

Даль В.И. Толковый словарь… Указ. соч. Т. I. С. LXIV.

12

Библиотека для чтения. Указ. соч. С. 133.

13

Даль В.И. Толковый словарь… Указ. соч. Т. I. С. LXIV.

14

Там же. С. LXIII.

15

Библиотека для чтения. Указ. соч. С. 133.

16

Там же.

17

Даль В.И. Толковый словарь… Указ. соч. Т. I. С. LV.

Максимов С.В. Указ. соч. Т. 18. С. 3.

19

Ильин И.А. Собр. соч.: В 10 т. М., 1993. Т. 2. Кн. 1. С. 430.